

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

4(16).1982

СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ

Ю. Козлов
«КАЙНОК»

4(16).1982

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ»

Юрий Козлов

«КАЙНОК»

ПОВЕСТЬ

Москва, 1982

Главный редактор **Н. И. Ветров.**

Редакторы выпуска **А. К. Глазунов, В. А. Трифонов.**

Художник **Н. С. Михайлов.**

Художественно-технический редактор **В. Н. Ступин.**

Корректор **А. И. Мочалова.**

Юрий Козлов

«К А Й Н О К»

П О В Е С Т Ь

ГЛАВА

ПЕРВАЯ ★★★★★★★★★★

ПИРОГОВ еще издали узнал женщину. Она терпеливо дожидалась его на улице, и это было как бы напоминанием, что ему, начальнику районного отдела милиции Корнею Павловичу Пирогову, предстоит нелегкий день.

— Здравствуйте, — первым быстро поздоровался он, будто его вежливость могла поколебать настойчивость женщины.

— Здравствуйте. Вы уж извините, что чуть свет...

Он вошел в помещение, оставив дверь настежь, тем самым предлагая посетительнице войти за ним. Жалобно вздыхая, кутая в платок щеку, как при зубной боли, женщина прошаркала сзади, робко и старательно прикрывала входную дверь.

Дежурная, розовощекая, явно со сна, девушка, встала за перегородкой.

— Утро доброе, Корней Павлович.

Ответив на приветствие, он взял журнал — книгу с обтертыми до закругленности уголками. Спросил, опережая рапорт:

— Спокойно?

— Заявлений не поступало, — отрапортовала дежурная.

Поручиться за абсолютный покой в районе она не могла — ночью никто не патрулировал села.

Он кивнул, точно подтверждая сказанное, прошел в кабинет и остановился за своим столом, упершись костяшками пальцев в крышку. Худющий, с тонкой длинной шеей, вытянутым лицом, он был похож на нахохлившегося орла.

Просительница остановилась у порога, печально глядя в его глаза. Он крунул головой, избегая взгляда, потупился:

— Не могу найти концов.

Она тихонько заплакала. Но было заметно — та примирилась с тем, что он не нашел ее коровы, да уж очень хотела, чтоб видел ее беду. Не зная, что сказать, Корней Павлович смотрел в окно. День обещал быть ярким и тихим. Подумалось вдруг, что на фронте легче, — не надо глядеть в заплаканные глаза обиженных солдаток.

А что может он, Корней Павлович, если в штате у них на должностях милиционеров одни женщины. Правда, хоть и пол-то слабый, но бойцы исполнительные. Однако, канцелярию бы им вести, а не арестованных водить.

Заявительница по-прежнему не повышала голоса, не бранила его, не упрекала, не грозила жалобами, и это было особенно тягостно, потому что к служебной горечи прибавлялась симпатия к пострадавшей.

— Вы вот что, Якитова, — он повернулся к ней. — Догадываюсь, что корову мы уже не найдем. Да. Похищенное животное нет смысла держать. Или гнать далеко. Мы вот как сделаем. Пойду-ка я в исполком. Буду просить материальную помощь для вас. Ну а если найдем корову... Приглашайте на сметану.

Он попробовал улыбнуться.

Она перестала плакать. Глаза ее уже смотрели доверчиво. Сказала тихо:

— Не о себе пекусь. Сам-то уходил на войну, наказал крепко: если не вернусь, вырасти сыновей, чтоб и после меня была фамилия.

— Гордый, мужик-то.

— Страсть гордый. Себя в обиду не давал, меня не обижал.

— Пишет с фронта?

— Да ведь как сказать. Было письмо, из Бийска, а теперь нет. Или долго пишет, или... уже некому и писать.

— Гордый — значит смелый, а смелого, слышь, как поется, — и пуля боится и штык не берет.

— Дай бог.

Она потянула на щеку платок, вздохнула.

— Я пойду.

— Ладно... Сегодня же схожу в исполком.

Оставшись один, он сел за стол, прижал виски ладонями. Голова шла кругом.

ТРИ ДНЯ назад на повороте в ёло мальчишки обнаружили трупы мужчины и женщины. Погибшие были из приезжих, возможно эвакуированными или горожанами, которые часто ездили по селам менять свои

скудные пожитки на продукты.

Пирогов лично осматривал место происшествия, шел по спирали, ощупывая землю сантиметр за сантиметром. Часа через два он мог частично воспроизвести в воображении события. Убийц было самое малое двое: рядом с женщиной лежал крохотный «бычок» от самокрутки, и это указывало на то, что преступники устроили здесь «трапезу».

Но кто они, преступники?

КОРНЕЙ Павлович вынул из стола крохотную ленточку бумаги, обгорелую с одной стороны.

Судя по шрифту, она была оторвана от старой книги. Узкие, с фигурными заусиками буквы шли поперек ленты, и кроме двух предлогов «и», «в» да нескольких обрывков слов, смысл которых не поддавался прочтению, никаких других следов не сохранила. Иди ищи, из какого собрания сочинений «бычок», кому принадлежавшего. В селе сотни домов, и каждые девять из десяти стоят с незапамятных времен.

А теперь вот еще корова. За полгода работы в Анкудае последняя неделя оказалась самой тревожной.

Он скрыл от Якитовой, что нашел место, где чья-то воровская рука убила корову, выпотрошила и забрала мясо.

Это грустное открытие повлекло за собой другое: один или два человека не могли унести коровью тушу. Даже троим это было не под силу, потому что путь их в гору, через перевал, конечно же, не близкий.

Значит, пять или шесть!

А в отделе всего восемь милиционеров-женщин.

Пирогов встал из-за стола, подошел к окну. Память возвратила его не в столь далекое прошлое.

ДЕМОБИЛИЗОВАВШИСЬ из армии, Корней Павлович приехал в родной край, и военком рекомендовал его на работу в милицию. Уже с направлением НКВД оказался Пирогов в горной области. Два неполных года работал в уголовном розыске. Неприметно держался. Не потому, что ума, сообразительности неоставало. Просто сызмальства не приучен был себя выпячивать: если получается, старшие сами заметят. Говорил мало, больше слушал да на ус мотал. Учился, чему можно было научиться.

Так бы и работал до сих пор, но в сорок первом в мае поступило в управление сообщение: из места заключения сбежали три опасных преступника, взяли направление в горы. «Ждите, — гласило предупреждение. — Задержите, чего бы то ни стоило». Но в ориентировке не было ни слова о том, что преступники вооружены двумя револьверами. Возможно, составители не знали об этом. Возможно, револьверы появились позже, из старого тайника... Отстреливаясь, бандиты уложили одного оперативника, другому прострелили бедро и выключили из погони.

Трудно сказать теперь, почему Пирогов пошел именно тем распадком. Наверное, он оказался на его пути. Или что-то привлекло в нем Корнея. Кончилось тем, что на узком участке он столкнулся со всеми тремя сразу... Они не ожидали увидеть его перед собой, кинулись

врассыпную, залегли в каменные складки, беспорядочно затукали из двух стволов.

Потом, на разборе операции руководитель отдела полковник Лукьяненко скажет: «Пирогову повезло, преступники, имея преимущество в ближнем столкновении, допустили оплошность, перейдя к перестрелке...»

Помнится, как только они залегли, Корней отпрянул за листовничный ствол, вытянулся в струну. Ему нельзя было лечь. Он перестал бы видеть преступников. Он стоял, плохо защищенный слева и справа, но старался не думать об этом. Выстрелы его были прицельней, точней и держали тех троих приклеенными к земле. Говоря армейским языком, они простояли друг против друга около часа, пока не подоспели товарищи Корнея.

Месяц спустя все участники этой операции были отмечены в приказе наркома. Большинство повышено в звании, среди них и Пирогов.

СЛУЧАЙ этот, так хорошо гревший душу первое время, теперь не радовал. «Бегать по горам и козел умеет, — рассуждал Пирогов. — В моем деле не ноги, а крепкая голова нужна, знания самых необходимых азов трасологии, баллистики, экспертизы... Одних наименований столько, что не перескажешь сразу. А у кого эти знания запросить? Кто их предложит, если в отделе я — высшая профессиональная инстанция?»

Размышляя так, он прошелся по кабинету, остановился перед картой. Нашел Дон, Волгу. Вот где теперь линия фронта проходит. Не города считаем, а реки. Они, как ступени, одна к одной, параллельно текут...

Корней Павлович снова уставился на ленточку бумаги от «бычка». Внутренний голос подсказывал ему, что и корова, и преступление на повороте к Ыло совершено одними людьми, о которых он знал все и ничего.

Незадолго до этих событий бийские шоферы, обслуживающие стоянки верблюдов вдоль Чуйского тракта, жаловались, что чуть не были ограблены неизвестными. В кузовах ЗИСов керосин, мука, соль — на целую зиму, все на вес золота. Старые машинешки едва брали подъем, когда с боков дороги поднялись трое, а может, и четверо, заросших и драных, как пещерные предки. У одного — ружье. Хотели пугнуть, но не рассчитали место. Машины газанули и, быстро набирая скорость, ушли.

Пока шоферы два дня возились в моторах, Пирогов, вооружив своих сотрудников, приказал держаться вместе, и они бродили по окрестным горам. Кедрач тихо, настороженно наблюдал за их поиском.

Через два дня прекратили облаву. Милиционерши, безропотно прошагавшие десятки километров по горам, попадали замертво.

В ту ночь Корней Павлович остался в отделе — и за дежурного, и просто так, для того чтобы побыть одному, обдумать происходящее.

В горах окопалась организованная банда. И рано или поздно она предпримет набеги на село. Лето клонилось к закату. Ночами белел тонким кружевом на траве иней, скрипел и взвизгивал под ногами ледок на лужах. В огородах и на близких склонах гор копали картошку. Люди запасались на длинную зиму. И те, что скрывались от людских глаз, тоже должны были начать «заготовку».

И вот начали...

Корней Павлович закрыл глаза. И снова память настойчиво воспроизвела тот злополучный клочок бумаги и на нем отчетливые предлоги «и» и «в», обрывки слов «то», «ил» и мягкий знак.

ГЛАВА

ВТОРАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

К ВЕЧЕРУ, измученный и раздосадованный неудачей, Корней Павлович вернулся в отдел. Дежурная, стараясь не греметь сапогами, выпорхнула навстречу, торопливо расправила гимнастерку. Покраснела, растерялась.

— Здравствуйте, Пестова! Как дела?

— Хорошо, Корней Павлович, — не по уставу ответила она, и тут Пирогов разглядел в углу за перегородкой жуликовато сутулящуюся спину в солдатской гимнастерке.

— Что здесь делает посторонний гражданин? — насторожился Пирогов: неуставное смущение дежурной, похожее на кокетство, было неуместным перед его усталостью и озабоченностью.

Дежурная не успела рта раскрыть, как спина в гимнастерке распрямилась. Человек встал, повернулся лицом, доложил громко и четко:

— Красноармеец Павел Козазаев прибыл для полного излечения боевых ран.

Правая рука его висела на широкой цветной повязке, должно быть косынке, взятой дома.

— Ран, говоришь? — переспросил Пирогов примирительно, разглядывая бойца. Тот был его ровесником, лет двадцати пяти, росл, широкоплеч. Крупное лицо отдавало бледностью, будто вобрало в себя цвет госпитальных палат.

— Так точно, — подтвердил красноармеец.

— Он правда ранен, — торопливо помогла Варвара. — Я видела его документы. И рану...

И то, как держался боец, и то, как горячо вступилась за него дежурная, было естественно, красиво и понятно. Корней Павлович кивнул, уступая им, прошел к кабинету, вставил ключ в скважину.

В кабинете было одиноко. Пирогов перебрал газеты. На самом дне стопы увидел два письма. Они были не срочными, потому что содержали изложения соседских скандалов.

А там, у дежурной, было весело. Там что-то обсуждали вполголоса, прыскали со смеху.

Махнув рукой на дела, Корней Павлович вышел в дежурку.

Варвара поднялась за барьером, приняла серьезный вид.

— Наши где? — спросил он, объясняя этим свое быстрое возвращение.

— Так ведь время, товарищ лейтенант.

Он посмотрел на часы, которые показывали четверть девятого.

— Действительно, — улыбнулся виновато. Дальше-то что? Совсем одеревенел в заботах, в одиночестве.

Варвара спохватилась, протянула матерчатый мешочек.

— Угощайтесь, товарищ лейтенант. И садитесь с нами.

Он заглянул в мешочек, двумя пальцами вынул серо-коричневый кусочек сухого фрукта или овоща. Понюхал. Лицо его отразило недоумение и сразу за ним — радость узнавания.

— Сахарная свекла?!

Он знал свеклу с детства, с отцовского дома, когда жил в лесостепном районе. А в горах свекла, да еще в таком виде, была привозной редкостью.

Поблагодарив, Корней Павлович отправил кусочек в рот, стиснул зубами, осторожно принялся всасывать сладкий сок. Как в детстве, когда сам нарезал ломтики, закладывал в протопленную русскую печь.

— Садись, лейтенант, — здоровой рукой Павел дотянулся до свободного стула, придвинул ближе.

— А не помешаю? Дело-то у вас молодое.

— А вы — прямо старик, — Варвара покраснела от смелости.

— Старик не старик, а свое отрезвился.

— Не война, мы бы тоже отрезвились, — сказал Павел. Варвара застенчиво махнула на него рукой: ну тебя, означал этот жест.

Пирогов сел. Положил в рот второй кусочек свеклы.

— Так, о чем разговор?

— О чем говорят нынче? О войне. Павел почти год на передовой был. Вся война — его.

— Разведчик?

— Пехта.

— Трудная роль.

— Всем несладко.

Пирогову понравился ответ. Не бравитует, не ищет сочувствия, исключительного внимания. Деловой, серьезный парень.

— Что верно, то верно: всем несладко. В городе разговаривал я с летчиком. Ранен он был. Рассказывал: сволочный народ — фашисты. Глубоко подлый. Подловили его на самом светлом нашем чувстве, чувстве взаимовыручки... Летел парень вдоль фронта и увидел: три «мессера» одного нашего долбят. Ну, он, конечно, туда. Выручать. А этот «свой» оказался подсадной уткой. Вчетвером и навалились на одного. Так-то вот, — Козазаев поправил повязку, вздохнул. — Или вот такое кино... Стояли мы в обороне. И самолетами нас топчут, и из пушек хлещут, а мы — стоим. Как пойдут на нас, мы им покойников наделаем и снова стоим... И вот как-то утром рано глядим — самолет летит. Один. Ну, мы все в щели. Наблюдатели остались. Тишина. А он летит и молчит, не бросается ничем. И тут от самолета отвалилось что-то. И парашют над ним раскрывается. Чудно, думаем, на человека похож. Мы — бегом туда, где он приземлится должен. Совсем фриц сдурел, думаем, шпионов по солнышку пускает. Как одуванчики. А парашют ниже, и верно: человек под ним болтается. Руками машет... Плюхнулся он на землю и орет дуром. Мы — к нему. Он еще пуще орет: «Не подходи!» По-русски орет. Видим, у него к животу корзина

привязана. А что в ней? Боязно, однако подошли. Сидит на земле голый мужик. «Откуда, — спрашиваем, — взялся?» «Хорошие мои, из Василькова я. Был портной, стал заместо бомбы». И на корзину, на корзину опасливо показывает. С чем прибыл? Протягивает письмо. Наш ротный взял. А конверт не заклеен. Вынул из него большой лист бумаги. На нем написано во-от такими буквами, чтоб видно было далеко: «Большевики торгуют Россией, а это — их продавец». Тут особисты подбегали. Мужика взяли, письмо забрали с собой. Нам от корзины бежать велели. Только мы отошли, в том месте, где мы стояли толпой, ка-ак ахнет. Он, скотина, вишь чего придумал...

— Надо ж, — удивился Пирогов. — Я считал, они прут лавиной, как псы-рыцари на Чудском озере.

— Так и прут. Только еще хуже. Он собирает в кулак танки и бьет со всей силы. Пробьет дырку и пошел гулять к нам в тыл, рвать фронт со спины... Старички нас учили, что самый первый бой и есть самый трудный, самый страшный. А оказалось, кому как... Мы ночью сменили передовую часть, до рассвета чистили, подгоняли окопы. Все молчком. Угадай, кто о чем думал. Лично мне страшно не было. Даже вроде бы весело. Землю рыл, как крот. Легко, будто на огороде грядку. А утром, чуть свет, они пошли. Густыми рядами. И снова не страшно. Кое-кто из наших над окопом головы не поднял. А я смотрел, и мне опять легко и весело. Будто и не война это... Дали мы им прикурить. Сам видел, как ложатся они перед пулеметом. Будто кто-то... великан откусывал от ряда по пять, а то и десять человек разом. Как из скибки арбуза. Гам — и нету! Дырки в рядах! Кино! Остановились они и ну поливать из автоматов. Что твой дождь зашуршал. А мне опять не страшно. Вижу, пули траву впереди шевелят, до нас не долетают. Ору, как пацан: ага, выкусили! А немцы уже назад пятятся. Строчат и под завесой пуль пятятся назад... Страшно потом стало. После боя. Когда увидел наших убитых. Я их, покойников, всегда боялся, а тут свои ребята. Понимаете? Не просто кто-то, а свои, вместе в запасном полку подготовку проходили. И тут представилось мне черт те что: как их черви в земле жрать станут, и страшно сделалось. Будто умом тронулся. Перед глазами чернота и черви... Не смерти испугался, а того, что после нее будет.

У Варвары лицо словно окаменело, щеки и лоб побелели, на скулах красные пятна выступили. Она, видно, тоже представила, что будет потом, и тоже испугалась кишащей темноты.

Пирогову было близко такое состояние в первом бою — легкое и почти веселое, потому что тогда, стоя за листовницей против двух револьверов, он тоже испытывал напряженный азарт идущего на риск игрока и за тот час вложил в это напряжение все силы. И потом не мог ни двигаться, ни говорить, ни думать. Чудовищно клонило в сон...

С улицы слышались возбужденные женские голоса. Пирогов быстро оглянулся на дверь, ожидая шагов по ступеням. В последнее время он почти уверовал, что попал в полосу несчастий и неудач. Но на этот раз голоса стихли, удаляясь. Корней Павлович с облегчением вздохнул, сел удобней, возвращаясь к разговору, спросил, указывая на «куклу», очень ли было больно.

— Сначала просто удивился. Мясо вывернуто, а крови нет, и торчит в глубине кусок железа. Больно потом стало. Ох, больно! Думал, сердце лопнет. Потом — страшно. Это когда боль прошла. Страшно оттого, что представил: голова-то рядышком была, спичечный коробок — не дальше... А теперь хорошо. Домой вот попал на побывку.

На свиданку.

— Надолго?

— На две недели.

Пирогов вздохнул. Невероятное дело — две недели отпуска. Хочешь — спи, хочешь — книжки читай. Или ходи на свидания... Понятно, осколок тот мог упасть чуток в сторону. Прямо в голову. Или в спину. И не было бы сейчас красноармейца Козазаева... Так что отпуск на поправку — законный, и отпускник вправе пролежать его в постели. Но все-таки неправдоподобно звучит это по военному времени — отпуск!

— Слушай, боец, а не заржавеешь ты за две недели лежания? — спросил Пирогов.

— Так не каплет ведь!

— Над тобой не каплет. А над Варварой — каплет.

Павел посмотрел на Пирогова, ожидая подробностей, и не дождавшись, быстро повернулся к Пестовой.

— Я в том смысле, что не могу ей отпуск дать. Даже на пару дней, — продолжал Корней Павлович, чувствуя, что не ко времени разговор этот, но и другого времени не будет. И велики, и коротки две недели. — У меня предложение к тебе: ты в меру сил поработаешь с нами эти две недели. Будете вместе. И дело продвинется... Если, конечно, Варвара не возражает против пары такой, — повернулся к Пестовой. — Как предложение?

Варвара зарумянилась. Застеснялась откровенного разговора. Но и Пирогов, и Козазаев, в первую очередь, увидели в стеснении ее, затянувшемся молчании согласие. Павел облегченно вздохнул. Сказал, выручая подругу:

— Ты, лейтенант, как сваха, ей-богу! Только зачем же ей отпуск давать... Согласен я. Планируй там, чтоб на двоих, — взглядом показал на Варвару.

Корней Павлович знаком позвал солдата идти за ним, распахнул дверь кабинета. Павел, пожимая плечами и оглядываясь на дежурную, ступил через порожек и сел на предложенный стул.

— Я занят, — сказал Пирогов дежурной, закрывая дверь.

Козазаев сидел, широко развернув плечи, во взгляде появилась деловая сосредоточенность.

Корней Павлович прошел мимо него, взвешивая все «за» и «против» неожиданной идеи, остановился у стола, присел на уголок.

— Боевые, говоришь, раны?

— Не на печке...

Помолчали. Раненый насторожился. Пирогов не знал, как расположить его к откровенности.

— А меня не берут, — вдруг признался Корней Павлович, и на секунду задумавшись, со вздохом произнес: — Три рапорта написал. Все в управлении лежат.

— Ну-у? — посочувствовал боец. — Или ворье держит?

— И ворье.

— Кто ж ворует-то, бабы?

— Если бы бабы, а то мужики.

— Вот гады! — в искреннем возмущении солдат качнул раненой рукой. — Мы там головы под мины сует, а они...

— Не велика новость, но говорю, что есть, — Корней Павлович насутился. — А у меня восемь девок, один я.

Кивнул на дверь, где совсем уж нехстати дежурная пробовала

какую-то песенку.

— Могу я послать ее на задержание преступников?

Павел тревожно свел брови:

— Неважные у тебя, начальник, дела.

— Это с одной стороны, — продолжал Пирогов. — Жалко девчат. А с другой — если не прижать тех сволочей, не дадут они людям покоя. Хоть — круть, хоть — верть.

Козазаев неторопливо вынул из кармана брюк кисет, привычно, одной левой распустил тесьму.

— А зачем ты мне все это рассказываешь? — спросил вдруг. — Точно я дурак какой, ничего не понимаю, или гадина, что не хочет понять. Валяй дело.

Присев на край стола, Корней Павлович собрался было в деталях выложить свой план, как вдруг увидел листок бумаги для самокрутки в пальцах солдата. В уголке его парой блошек темнели цифры страницы. Выше, через белое поле шли строчки узких, точь-в-точь как на «бычке», букв.

Неужели?

Он даже поморщился от своей поспешности: сходство шрифта ни о чем не говорит. А то, что книги часто идут на самокрутки и пыжи, вполне естественно — не хватает газет.

— Так ведь приказать я тебе не могу, — рассеянно заговорил Пирогов. — Сам-то когда сможешь? Чтоб я мог рассчитывать на тебя полностью. Дело наше не простое, а ты больной...

Солдат покусал краешек бумаги, послунывил, прижал самокрутку к подвешенной руке, ловко склеил, сунул в рот. Корней Павлович внимательно проследил за его действиями, силясь заглянуть под цветастый платок. В какое-то мгновение он утратил интерес к своему предположению. Книжный лист со строчками узких букв гипнотизировал, отгораживал от всего прочего.

— Подумать дашь? — сказал Козазаев.

— Конечно. Такие вопросы не решаются с наскока. Три дня хватит?

— Пожалуй!

Козазаев поднялся, чутьем поняв, что разговор почему-то не пошел.

— Вы, товарищ лейтенант, — Козазаев перешел на «вы», — не сердитесь на меня. Подружка она моя, Варька-то, — кивнул на дверь. — До армии еще дружили. Не война — под одной крышей жили бы теперь.

— Да, да... Понимаю...

Корней Павлович вплотную подошел к солдату. Так и подмывало спросить о бумаге прямо. Снизу вверх глянул в открытые глаза, потом на самокрутку.

С ума сойдешь!

Солдат проследил за его взглядом, понял по-своему.

— Курить?

— Если не жалко.

— Бери, — протянул он кисет.

Корней Павлович вынул сложенную книжкой бумагу, оторвал листок, зацепил щепот махорки.

— Бийская?

— Она.

Хотел напомнить, что ждет через три дня, но передумал. Вынул из стола желтую полоску от «бычка». Бумага была толстоватая. Такая,

свернутая в самокрутку, сильно обжигает язык и нёбо. Свежий лоскут тоже был толстоват и упруг.

ГЛАВА

ТРЕТЬЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

В ИСПОЛКОМЕ не сказали ни да ни нет: без председателя вопросы безвозмездной помощи никто не хотел брать на себя, а председатель уехал в область и когда вернется, — одним попутным шоферам известно. Не каждый день идут некогда бойким трактом машины. Все они теперь там, где нужнее армии. Невоенный народ на гужтранспорт — в таратайки, в санки пересаживается, из стаек и сеней отцовские, дедовские седла из-под рухляди достает. По району председатель в легком ходке да верхом ездит. Вызвали в область, не устоял, тиснулся третьим в кабину расхлябанного почтовика с газовыми колонками у переднего борта.

День клонился к обеду. По синему небу растянулась высокая зыбкая рябь. Солнце пробивало ее, но почти не грело.

Из окна кабинета Пирогову было хорошо видно почти все село. Отдел милиции углом выходил на широкую площадь, стоял на возвышенности, как и подобает хранителю законов. Полгода назад, приехав в Анкудай, Пирогов был немало смущен такой «бесцеремонностью». Потом выяснилось, что дом строил бийский купчина и строил так, чтобы с возвышения просматривались над низкими крышами мещанских и крестьянских изб Чуйский тракт и склады под берегом, всегда полные встречных грузов. Позже в деревне появилось еще несколько добротных домов на два парадных. Они стояли дружной колонией у подножия высокого отрога. В них размещались теперь административные органы, госучреждения. На некоторых две, три и более вывесок... А милицию оставили в центре.

Почти напротив пироговского окна, через площадь, начиналась широкая улица. В конце ее — дом Корнея Павловича. Но он даже не взглянул на него. Улица была длинная, дворов сорок в один конец от площади. Большие дома и избушки со слитными заборами зубчатой стеной тянулись параллельно Урсулу. Ниже к берегу, на задах огородов, жидкой цепочкой вытягивался еще ряд домов. Четыре улицы в Анкудае, два десятка разрезов, переулков, сотни две с гаком домов. В одном из них лежат остатки растерзанной старой книги. И живет в нем... Да неужели тот парень?..

Из-под горы слышались взволнованные голоса. Корней Павлович склонился над подоконником, покосился в их сторону.

Через площадь, недружно ступая, двигался строй мобилизованных в фуфайках, в шапках, с «сидорами» в руках и за плечами. Впереди, косолапая, шагала помощник военного комиссара и сосредоточенно смотрел перед собой, чтобы не видеть, не замечать густую, горланящую, плачущую, причитающую толпу женщин и ребятишек.

Пирогов бегом выскочил на высокое крыльцо, расправил под ремнем гимнастерку. Он всегда провожал уходящих на фронт, а потом долго мучился совестью. Знакомые мужики и парни прощально кивали ему, но он чувствовал в их взглядах недоумение или вопрос: мы пошли, а ты снова остаешься?! Задним числом он понимал, что это всего лишь кажется ему, но всякий раз испытывал стыд за свою неприкосновенность.

Из дежурки выбежало пироговское «воинство»: Полина, Настасья, Олейка... В знак ли внутреннего протеста против своего положения или из-за невнимательности он иногда путал их имена.

— Ой, девоньки, Лешка Ерш!

— И Авдей Егорыч!

— И этот... чумной. Гля, какой тихий. Даже ничего себе с виду. А помните, нализался...

Строй прошел мимо. Прошуршала, проголосила толпа. За мостом, на взгорке тракта, стояли два зеленых грузовика с наращенными боковыми бортами и рядами толстых плах внутри вместо скамеек...

Вспомнив, что не запер кабинет, Корней Павлович вернулся в отдел.

Он закрыл дверь, достал из кармана ключ и тут услышал, что кто-то идет по коридору и смотрит на него. Пирогов оглянулся. Действительно, в трех-четыре шагах от него остановился среднего роста старик, с великолепной гривой седеющих волос, широкой темно-русой бородой. Одет был он в легкую барчатку, высокие мягкие валенки с клееными из автомобильных камер галошами. Шапку он держал в руках перед собой.

— Вы ко мне? — спросил Корней Павлович, глядя мимо старика на открытую дверь, где все еще стояли на крыльце его сотрудницы.

— К вам, дорогой товарищ!

— Что-нибудь срочное?

— Да как тебе сказать...

Нет, Пирогов не знал его. Хотя ничего удивительного в том не было. Две тысячи живут в Анкудае, четверть из них, считай, носит бороды. А еще Храбровка, Пуехта, Ыло... Колхозных стоянок — по пальцам не пересчитать.

— Может, с дежурной поговорите?

— С этими? — старик повел глазом, как бы показывая через плечо. — Ты меня прости грешного: войско твое разве что в фанты играть годно.

— Слушайте, — рассердился Корней Павлович. — Они находятся

при исполнении. И я попрошу вас...

Старик часто-часто закивал, признавая неуместность своей шутки.

— Извините, извините, товарищ. Глупый язык хуже глупой головы.

— Так, что у вас ко мне?

Старик посмотрел Пирогову в глаза и перевел взгляд на дверную ручку.

— Хорошо. Только самую суть. Покороче...

От умного насмешливого взгляда старика, чуть заметной улыбки, которую нельзя никак было отнести к скептической и простодушной байбаковской глупинке, вспыхнуло раздражение:

— Дежурная! Займите наконец свое место.

Медленно старик дал полукруг по кабинету и, пока Корней Павлович усаживался за стол, остановился против карты, ткнул пальцем.

— Это как же?

— Я вас слушаю.

— Нет, ты мне ответь, — старик не слышал Пирогова, — это они сюда пришли. Тут ведь до нас — что на пальцы поплевать.

— Так я слушаю ваше дело, — еще раз напомнил Пирогов.

Старик крикнул, снова оглянулся на карту.

— От ведь прет, стерва! Нет, ведь как прет!

Он придвинул к себе стул, сел бочком, шапку зажал в ладонях, а руки сунул между колен — согнулся, сжался, как под тяжестью непосильной ноши, и только глаза быстрые-быстрые, прямо молодые, продолжали насмешливо лучиться.

— Дело у меня такое, дорогой. Месяц назад вакуированных привезли. И до того были. Сто семей, если не поболее. Ага? А кто эти люди? Нет, ты скажи, кто эти люди? Докажи, что среди них нет лазутчика...

— Все?

— Да ведь как? Сам вчера слышал, похвалялась одна: «Герман придет, всех перевешает». И раньше слышал. И выходит, не все вакуированные. Есть подосланные. Вон! — старик повернулся к карте. — Осталось-то до нас — шиш!

Он был или не совсем нормальный или подлец. А скорее всего и то у другое.

— Как ваша фамилия?

— Моя?.. Моя — Сахаров. Тут я... На берегу... Во-он...

— Хорошо, товарищ Сахаров, я сейчас же поручу проверить ваш сигнал.

Корней Павлович поднялся. Встал и старик. «Пожалуй, что ненормальный, — подумал Пирогов. — Ведь я даже не спросил, кого он подзревает».

— Проверьте, проверьте, — сказал Сахаров, медленно натянул шапку, снова подошел к карте. — Как прет, стерва. На вороных. Ничем не остановить. Ага?

— Остановят.

— Дай-то бог.

Отчего так гадко на душе. От очередных проводов? Или старик своими вздохами... Надо же, черт волосатый!

ЧЕТВЕРТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

Допоздна светились окна в райкоме партии и в райисполкоме. Жер керосин и Корней Павлович, чтоб как-то за счет ночи растянуть сутки, растянуть рабочее время.

Корней Павлович заперся в кабинете.

Корней Павлович задал несколько пустяшных на вид вопросов, записал ответы.

Теперь, по получении телеграммы, он вынул записи. Дата прибытия минус дата убийства. Потянулся к карте, узнал расстояние. Получалось слишком много дней. Так много, что самому не понравилось. Один из этих дней совпадал с роковым для убитых на повороте в Ыло.

— Меня не спрашивал сегодня раненый? Этот... Козазаев?

— Нет, Корней Павлович,— отозвалась дежурная.

Он помедлил, думая, не послать ли за ним, решил, что потерпит, пока развиднеется на дворе. Затворил дверь, устало взял со стола трехдневной давности газету — почта приходила нерегулярно, новости старели раньше, чем их успевали прочесть.

У Сталинграда шли бои. Немцы приближались к Волге. Наши цеплялись за каждый клочок земли, но где-то между строк угадывалось, что земли этой осталась узенькая полоска, местами простреливаемая из пулеметов...

Военные новости трехдневной давности. А ты, лейтенант Пирогов? Ты ходишь тут, в тылу...

Умом он понимал, что нужен солдаткам для их безопасности и покоя, а неприятное ощущение виноватости перед ними не проходило. Хуже того, в последние дни, когда стало очевидным, что в горах скрываются лихие людишки, виноватость его сделалась почти физическим ощущением. Он искал случая, который должен, по его мнению, оправдать его пребывание в тылу.

ВЫТЯНУВ под столом ноги и рассуждая таким образом, он и не заметил, что засыпает, когда раздался громкий стук в дверь.

Дежурная бросилась к двери, но быстро вернулась.

— Корней Павлович, там стучат.

— Откройте, — сказал он.

Дежурная откинула засов.

— Начальник здесь? — услышал Пирогов Варькин голос.

— У себя сидит.

Варька влетела в кабинет, как пожарный в горящий дом.

— Корней Павлович... — она рывком сбросила на затылок цветастую шаль. — Корней Павлович, там... Козазаев поймал одного в солдатском...

— Где? — Пирогов поднялся, расправил гимнастерку, пощупал кобуру.

— Пошли мы прогуляться... А он из леса. Грязный, с бородищей.

Ну, мой-то: «Стой!» А тот бежать...

Варька с тонким присвистом шмыгнула носом, крупные слезы выкатились на щеки.

— Ты чего? — насторожился Корней Павлович. Обычно суховатый в обращении с сотрудниками, он незаметно для себя сказал «ты», и в голосе его откровенно зазвучало человеческое участие. — Говори же, что случилось?

— Да... — круглые блестящие бусинки нырнули по подбородку. — Да... догнал этого-то... И сгоряча больной рукой как даст.

— Зашиб до смерти? — подсказал Пирогов.

— Не-е, — спешно поправила Варька. — Ему-то ничего. Козазаев... Все швы на ранах расползлись...

— Худо... Незвестный задержан?

— Привели. Меня за вами послали.

— Ай да Козазаев! Ай да милиционер! Пошли.

Козазаев сидел между дверью и столом, морщась и баюкая руку. На пороге пристроился дед лет семидесяти, низкорослый, легковесный, как сушеный чабачишко.

Увидев Пирогова, Козазаев поднялся.

— Сиди, — остановил Корней Павлович. Подошел к неизвестному, прижатому в угол столом.

— Документы.

Незнакомец не шевельнулся. Худое лицо в коричневой щетине не вздрогнуло, не выразило страха или откровенного упрямства. Он неподвижно и тускло смотрел на крышку стола.

— Встаньте.

Едва просунувшись в щель между столом и стеной, незнакомец поднялся, уперся спиной в угол, нетвердо подогнув под столом ноги.

— Выверните карманы.

Зоя, косясь за руками, Пирогов отмечал каждую подробность содержимого карманов: не понравилось, что коричневый курил свежий самосад, значит, кто-то снабжал с грядки, обломок напильника для кресала тоже был свежий, не успел засалиться жгут из цветастой хлопчатобумажной ткани.

— Все, — сказал неизвестный, хлопая по вывернутым карманам, будто стряхивая с них пыль.

— Нагрудные, — подсказал Пирогов.

Коричневый расстегнул пуговицы, достал книжечку раскурочной бумаги. Корней Павлович нетерпеливо взял ее. Узкие, как на «бычке»,

буквы шли через страницу.

— Теперь уже точно все, — сказал неизвестный. — Видите.

Корней Павлович собрал в носовой платок изъятое у незнакомца, завязал узелком.

— Фамилия? Откуда прибыл?

Коричневый повел глазами на старика, на Козазаева.

— Не хотите отвечать?

— Местный он, — крутнувшись на четвереньках, старик, кряхтя, стал на ноги, ткнул пальцем в сторону незнакомца. — Я ж его вот таким знаю. Федька Якитов, вот кто он.

— Якитов? Точно?

— Ну, Якитов, — рванул ворот коричневый. — Якитов Федор. Стреляй, если право такое есть.

— Так вот ты какой, гордый мужик...

ГЛАВА

ПЯТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ допросе в отделе Якитов выложил все, что знал. Говорил он неторопливо, основательно, даже с некоторой жесткостью, четко выговаривая слова, не дожидаясь дополнительных вопросов. Но Пирогову его признания мало что прояснили.

ШЕСТЬ недель назад призвали Якитова в армию. Уходя, наказал жене сохранять детей, его, Федора Якитова фамилию, если вдруг достанет его германская пуля. Война представлялась ему трудным, рискованным занятием, но он не испытывал парализующего страха перед ней, понимая незатуманенным умом, что призыв еще не удел, и кто знает, как обернется дело там, на передовой, может, и не найдется его убийца.

С группой мобилизованных он приехал в город, поселился в казарме, за высоким дощатым забором. От посторонних глаз. Начались занятия: бегом, кругом, ложись, коли... На рассвете выходили на загородный полигон, рыли землю, бегали в атаки и просто строем — как бы на марше, сцеплялись в рукопашных свалках... Тысячи дел у бойца. И все надо уметь исполнять быстро, точно. Иначе не выживешь в первом бою.

В баню их водили в город. Раз в неделю. В положенный по графику день и час — рот-та, становись! И — ать-два. Купаться. Смывать пот и

пыль. Бельишко на горячих решетках жарить.

Тут-то и попутал грех Якитова. Возле бани встретил его дальний родственник по Василисе. Не то брат троюродный, не то дядя по матери. Гадай теперь.

Сурового вида капитан, из выздоравливающих после ранения, разрешил отлучку на три часа. А дома достали из подполья водку. Под постную закуску повело кругом голову... Еще пришли родственники, их оказалось больше, чем пальцев на руках...

Только на другой день опомнился Якитов, схватился за голову. И тут трусил, испугался ответственности.

Первой его мыслью было пойти в комендатуру и отдать себя в руки правосудия. Этой мысли хватило до вечера. А ночью ему казалось разумным пробиться в одиночку до фронта и — разве не бывает чудес — наткнуться на свою часть и пристать к ней. Весь следующий день он убеждал себя, что обдумает план, и когда казалось, что план вырисовывается, начинали раздирать сомнения — возможно ли чудо вообще?

Около месяца он мыкался у родственников, пока не услышал как-то утром раздраженный женский шепот: сколько еще кормить дармоеда, который к тому же накликает беду на дом? То ли брат, то ли сват громко вздыхал в ответ, и в этом вздохе угадывалось полное согласие с женой.

Он сделал вид, что ничего не слышал. Чем больше запутывался, тем жестче и беспощадней становился страх, перехлестнувший и волю, и разум.

Затравленным волком Якитов метался от флажка к флажку, то оживляясь новым фантастическим планом, то впадая в отчаяние. Календарь испещрялся крестиками, день за днем перелистывались как страницы тяжелой книги, и он понял, что, чем дальше заходит в своем падении, тем короче и зыбче становится надежда на маленькое снисхождение. Горький удел вставал перед ним со всей неотвратимой обязательностью, и он отдался во власть случая.

Однажды поздно вечером в дом постучали. Якитов нырнул за печь, заслонился старой шубой. Вошли двое, судя по тяжелым шагам — в сапогах, спросили, нет ли в доме посторонних.

Женщина молчала секунду. Но Федору показалось, что она молчала вечность. Он даже представил ее острое книзу лицо со вскинутым старушечьим подбородком, повернутое в его сторону, и выразительный взгляд, который точнее слов поясняет, где и чего надо искать.

Ночью он ушел из города. Взял на берегу чужую лодку, перемахнул через Бию. Идти по мосту он не решался. Платный понтонный мост охранялся круглосуточно...

— СКОЛЬКО вас... таких в горах? — спросил Пирогов, машинально чиркая сухим пером по крышке стола.

— Один, как холерный волк, гражданин начальник.

— Могли бы унести тушу коровы?

— В брюхе сразу две. Изголодался.

— Значит, вы сами увели корову со двора, сами забили ее и дальше несли, не знаю, в животе или на плечах?

— Какую корову, гражданин начальник?

— Вашу собственную.

Якитов наморщил лоб, не понимая, о чем говорит этот человек.

— Путаница тут какая-то, — наконец мотнул он отрицательно головой. — Какая еще моя корова?

Пирогов порылся в столе, достал заявление, положил на краешек.

— Почерк знаете такой?

Якилов не вставая — он сидел на расстоянии шага от стола, вытянул шею вверх-вперед.

— ВОЗЬМИТЕ в руки, читайте.

Он никогда не видел почерка жены. До замужества она три года ходила в школу, он знал об этом по ее рассказам, к писанию не тянулась и, если случалось посылать открытки родным, просила писать его, а сама садилась рядом или напротив, подпирала кулаком щеку и старательно следила, как он выводит буквы. Чаше вспоминалась она ему именно такой, сидящей напротив — щеку на ладонь, отдыхающая, здоровая, красивая и нежная.

Он знал каждую ее привычку, с закрытыми глазами мог обрисовать позу, когда сидит напротив, или, орудуя у плиты, замирает, чтобы, не разгибая спины, повернуться к нему в пол-оборота, выслушать, ответить.

Он знал каждую ее родинку, мелкую, как весенняя паутинка, морщинку у глаз, даже жесткий волосок, что упрямо вырастал у нее на плече, хотя она старательно и украдкой состригала его.

Но он не знал ее почерка.

Он не получил от нее ни одного письма, ибо за пять лет не разлучался с ней больше, чем на неделю. А письма, которые должны были разыскать его на фронте, так и остались ненаписанными.

Ему пришлось прочесть заявление, прежде чем взгляд его уперся в подпись.

Он сам придумал, как Василиса должна подписываться его фамилией: целый клубок спиралей на подставной ножке «Я».

— РАЗОБРАЛИСЬ? — спросил Пирогов.

Якилов немой, немигаючи смотрел то на него, то на заявление. Бледность от висков сползла на щеки — это было видно сквозь щетину и грязь.

— Итак, уточним, брали вы со двора корову или нет?

— На меня что угодно грузить... безответно, — проговорил Якилов. — Я виноват перед вами, гражданин начальник, перед народом стыда не оберусь... Но я не был гадом перед своими детьми.

— Зачем так сильно? Значит, корову не уводили?

— Товарищ командир...

— Ваш командир на фронте воюет. А вы на Элек-Елани.

— Я же сказал вам... Не трогал я... Не трогал.

— Допустим, — Пирогов продолжал чиркать пером по столу. — В Сарапке давно были?

Якилов подумал. Пожал плечами.

- В начале войны. А так пути не было.
- А нынче? В июле?
- Я ж говорю, в начале войны.
- А в Муртайке?
- Мне туда нельзя. Отец там.
- Что у вас с ним произошло?
- Вам-то зачем знать? Это к делу не относится.
- Хорошо. А в Покровке, в Кочевне давно были?
- Не заходил я ни в одну деревню. Меня ж тут всякая собака

знает.

- Однако вы не побежали куда-то. Поближе к дому прижались.

Видимо, рассчитывали на встречи со знакомыми, родней.

— Куда ж мне бежать было? Здесь я знаю каждую дырку в ограде. Где орех растет, где козел ходит... Здесь не так одиноко... Вы никогда не попадали так?..

- И не надеюсь в дальнейшем.

— В народе говорят: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Я тоже считал, слава богу. Да черт не спит.

Пирогов ручку отложил.

- Вы действительно знаете здесь каждую дырку в ограде?

— Я ж здесь родился и вырос.

Помолчали. Якитов — глядя в пол перед собой. Пирогов — будто изучая его. «Тяжелое это состояние — понимать свое падение, понимать, что нет тебе оправдания. Ни в суде, ни среди людей».

Пирогов не испытывал облегчения оттого, что одно из дел, накопившихся у него, можно считать законченным, ибо, что бы ни говорил Якитов, как ни изворачивался здесь или на суде, факт его дезертирства не нуждался в доказательствах и будет составлять основу обвинения. Он даже поймал себя на мысли, что сочувствует немного Якитову, думая, что для полной справедливости неплохо посадить на скамью подсудимых и того брата или свата.

— Ладно, — Пирогов плотнее запахнул шинель. Его немного знобило. Наверное, от голода. — Подведем итоги на сегодня. Следите за моими словами и, если я что-то не так скажу, поправьте. Тут же поправьте, — обмакнул ручку в чернила, набросал на листе первый вопрос, протяжно произнося его при этом. — К преступлению на Элек-Елани вы не имеете отношения? (Пауза). Корову у Якитовой вы не брали? (Пауза). В деревни не заходили? (Пауза). Скрывались совсем один? (Пауза). Я ничего не перепутал?

Якитов молчал, глядя вниз.

— Я спрашиваю, ничего не перепутано в моих словах? Все, как вы говорили?

— Да.

Пирогов удовлетворенно кивнул, снова обмакнул перо.

— И ни с кем не встречались? Ни разу?

— Нет.

— Подумайте.

— Я знаю, что говорю.

— Тут вы мне перестали нравиться, — Корней Павлович отбросил в сердцах ручку. — Откуда у вас свежий табак? — вынул кисет, отбросив его раньше у Якитова. — Табак-то недавно нарублен. Недавно

засыпан в кисет. Два дня назад... Будете уверять, что под кедром нашли?

Ниточка эта, с кисетом, была тоньше человеческого волоса. Скажи, Якитов, что нашел, под тем самым кедром нашел, и не докажешь, что это не так. Ведь на горе близ Элек-Елани побывали те, которые машину остановили. Мог же преступник в суতোлке обронить курево.

— Я жду ясного ответа, Якитов.

— Дайте попить.

Корней Павлович неторопливо снял гранатообразную стеклянную пробку с горлышка графина, не выпуская ее из ладони, налил полный стакан воды, подвинул его Якитову.

— Значит, встречались, — сказал негромко, уверенно. — С кем? Якитов выпил воду.

— Не знаю, — ответил.

— Вот как? То вас все районные собаки знают, а тут не узнали, и он их не узнал.

Якитов снова скосился на графин. Пирогов налил еще половину стакана, придержал в руке.

— Так я очень надеюсь на вас, Федор Григорьевич. Для вашей же пользы.

— Под Сыпучим Елбаном, — не сказал, а выдавил из себя, потянувшись за стаканом. Корней Павлович долил его до краев. Но Якитов не стал пить много, только пригубил, поставил на место.

— Зачем вам знать все это? — спросил устало. — Я виноват лишь в одном. Зачем же собирать?

— Нашли?

— Дали.

— Значит, все-таки встречались? Как произошла встреча?

— Неделя тому. Просыпаюсь, мужик рядышком. Ноги калачом, сидит, на меня зенки уставил. Говорит: «Спи, не кусаюсь». Ну я, понятно, вскочил. Скалится: «Плохо дело. Зима на носу, а ты в рубище». Хочу облаять, не могу. Ружье перед ним. А у меня точно судорога в спину, в ноги. И бежать хочу — не шевельнуться. Как вскочил, так и стою бревном. Иди, говорит, покурим. Кисет достает. У меня в животе пусто, а на душе и того пуще. Не курил сколько. Ну, взял... Потом хлеба поел, картошки. К солнцу расстались. Ты, говорит, жди меня каждое утро здесь. Да не очень распространяйся — ружье не зарегистрированное. Табак оставил, бумагу, кресало вот и утек.

— Так и ушел? Все оставил и ушел? И не обещал еще встретиться? И не спросил, как звать? Спросил?

— Нет.

— Чего ж ему спрашивать. Вы ж знакомы.

Якитов не отрицал, не соглашался.

— Чем он вас пугал?

— У меня двое маленьких...

— Вот даже как!

— Больше я не видал его.

— Сколько ему лет?

— Да за шестьдесят. Борода лопатой. А там кто его знает. Крепкий мужик.

— Нарисуй-ка место, — Пирогов придвинул листок бумаги.

ГЛАВА

ШЕСТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

КАТЕГОРИЧНОСТЬ экспертов из НТО обязывала потребовать у Козазаева объяснения. А Корней Павлович медлил. Ведь такая точно бумага для самокруток оказалась у Якитова! И принес ее неизвестный бородач.

Пирогов бродил по перевалу, по Каменной седелке, таился сутками близ места, указанного Якитовым, в надежде натолкнуться на подозрительного бородача или его следы.

Но бородач не появлялся и, уходя последний раз, будто проплыл по воздуху.

А осень брала свое. На Семинском перевале лежал прочный снег, и однажды измученный Пирогов увидел, что сам наследил кругом, конечно, вспугнул бородача, если тот и появлялся здесь.

Плохо скрывая досаду, Корней Павлович, едва вернулся в Анкудай, тотчас приказал вызвать Козазаева в отдел и собственноручно написал повестку...

«Итак, — рассуждал он, ожидая Павла, — бородач не пришел на свидание с Якитовым. Значит, сначала рассмотрев в Федоре одного поля ягуду и решив положить его в свой кузов, неизвестный вдруг что-то заподозрил и скрылся.

Что же вспугнуло его? Якитов не помнил, чтобы они договорились о времени встречи. Бородач не хотел рисковать и надеялся отыскать Федора, когда захочет этого сам. Очевидно, он рассчитывал понаблюдать за встреченным издалека, увериться в его безысходности и только потом приблизить к себе.

Может, он узнал об аресте Якитова, что вполне вероятно, если идти от первой версии. Присмотревшись к Федору, неизвестный увидел, как тот завернул в село и долго не возвращается. Узнали, принес ли повинную — для бородача означало разоблачение, и он залег в нору, приготовленную под зимовье.

Конечно, все это лишь предположения, удручающе правильные, логичные, но именно тем и тревожные. Все здесь получалось как описаному, и только оставалось расшифровать действующих лиц. Одним из них был неизвестный бородач с Семинского перевала. Вторым...

Корней Павлович прикрыл глаза, вспоминая встречу с Козазаевым, каждое его движение, голос, чуть взвинченный, вызывающий тон. Тогда Пирогов объяснял эту заносчивость сознанием превосходства фронтовика перед тыловым лейтенантом, живущим среди стариков и баб.

А что, если история с Якитовым...

КОЗАЗАЕВ вошел, шумно бухая сапогами. Корней Павлович слышал, как он замедлил шаг против дежурной, гоготнул и затопал дальше. После случая с Якитовым Пирогов дважды проводывал Павла дома и

между ними обозначились простецкие отношения.

Ступив в кабинет, Козазаев вскинул здоровую левую руку к виску, но, взглянув на сидевшего за столом лейтенанта, почувствовал его нерасположение к трепу и погасил дурашливые искорки в глазах.

Пирогов молча кивнул на приветствие, взглядом указал на стул. Павел настороженно сел.

— Чего сердитый такой, лейтенант? — спросил без всякого интереса. — Повестку ахнул, весь дом переполошил.

— Дело к тебе особой важности, — медленно начал Корней Павлович. — Три недели назад на повороте в Ыло были убиты мужчина и женщина...

Пирогов сделал паузу и так же, не выдавая интереса к поведению Павла, смотрел перед собой.

— Слышал, вся деревня об этом гудит, — отозвался Павел. Тишина паузы усиливала его настороженность.

— Тем лучше, значит, для тебя это не открытие. Так вот, убийцы скрылись, замели следы, но все-таки оставили важную улику...

— Мой адрес... — иронично уточнил Павел. Медлительность Пирогова, с какой тот начинал разговор, видимо, действовала ему на нервы.

— Окурок...

— И что из этого?

— А вот что...

Корней Павлович потянул ящик стола, достал телеграмму научно-технического отдела.

— Взгляни.

Козазаев привстал, по-жеребьячи изогнул шею: телеграмма слегка вздрагивала в руках Пирогова, а главное, была «вверх ногами».

— Ну и что? — спросил он, садясь на место.

— Второй листок бумаги был твоим.

— Моим?

— Может, я не так выразился. Второй листок был из твоего кармана.

— В телеграмме не названа моя фамилия. А раз так, то мне следует сейчас подняться и уйти.

— Ишь ты, приткий. А ведь мы еще ни словом не обмолвились о деле.

— Ничего себе, — расширил зрачки Козазаев. — Обвинил меня в убийстве, и, оказывается, это еще цветочки.

Нет, нет и нет! Этот парень здесь ни при чем. Он кипит, клокочет гневом. Он сейчас действительно встанет и уйдет.

...Ну разве повел бы себя так преступник, разве не начал бы защищаться, предупреждая следующее разоблачение. А этот принимает тон и подыгрывает. Только суше и злей смотрит. И белее нос, как это бывает в минуты наивысшего напряжения.

Надо отступать. Надо отходить на исходную. Но где она? Он, Пирогов, сам разрушил ее. Да, надо потянуть время. Не утратить инициативу, но успокоить парня.

— Я должен быть с тобой откровенен. Дело действительно тревожное. В районе, в горах, действует организованная банда, по моим предположениям, пять-шесть человек. Имеются факты нападения на

машины на Чуйском тракте, грабежа в селах, вот — убийство. У банды, как мне кажется, есть свой человек в селе, который снабжает их по мелочам. Скажем, табаком, бумагой. Вспомни, у Якитова самосад и такая точно бумага, как у тебя. Как «бычок». Уловил мысль?

— Не пойму, при чем тут я?

— Ну, допустим, что бумагой с Якитовым поделился ты.

— Знаешь что... — от неожиданности Павел не находил слов.

— Ты не злишься, я ведь сказал — допустим. Так вот, если не ты, то кто же? Припомни, ты ни у кого не брал бумагу на закрутку?

— Нет! Не брал! — жестко оборвал Павел, но это состояние было знакомо Пирогову: упрямство переросло в вызов.

— Ладно. Ты не брал. Но, может, давал кому?

Козазаев молчал. Облокотясь здоровой рукой о колено, он смотрел в одну, видимую только ему, точку на полу. Худое крупное лицо сделалось жестким, не похожим на живое энергичное лицо того парня, что ворвался сюда несколько минут назад.

— Ты напрасно сердись, Павел, — продолжал Пирогов. — Если бы я не верил тебе, — будь спокоен, нашел бы способ узнать все сам. А я верю тебе. Слышишь, — верю. Но мне казалось, что ты облегчишь дело. Возможно, где-то, когда-то твои пути случайно перекрестились с человеком, который мне нужен. Слышишь? Ты приехал и встретил старого знакомого. Вы закурили. Не знаю, что еще... Ты мог дать ему книгу. Свою книгу. У тебя же есть. Я видел. Он взял...

Будто не слыша, Козазаев обхватил голову здоровой рукой, согнул еще ниже, чтобы скрыть болезненную гримасу.

— Он взял... Ты не помнишь такого?

— Ни черта он не брал, — отозвался Павел. — Ни черта не брал.

Он вдруг распрямился. Лицо его было бледным, но в глазах появились нетерпеливые огоньки.

— Слушай, лейтенант. Я и вправду приехал — и он пришел. Многие приходили, и он. Не друг, не сосед — недачею живет. Про войну, про всякое там завел... Потом мы закурили. У него был кисет и бумажка. Вот так, книжечкой, аккуратненько. А когда ушел, книжечка... да, осталась. Он взял кисет, а книжечка осталась. Но я не думаю... Я бы не подумал...

— Кто он?

— Так ведь... Тьфу, черт! Конечно же, он забыл, а я прихватил на радости.

— Кто? Кто он?

— Сахаров же.

— Это какой Сахаров? — ахнул Пирогов. — Какой из себя?

— Да не молодой уже. За шестьдесят. Крепкий такой. Борода — во!..

— Борода, говоришь, — оживился Пирогов. Он теперь ясно представлял, о ком речь идет, и едва сдерживал изумление от такой новости. — Так вот, дружище, Якитову дал табак и бумагу бородач, похожий на твоего.

ГЛАВА

СЕДЬМАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

И ВСЕ-ТАКИ Сахаров!

Якитов, конечно же, узнал его. Иначе зачем бы ему понадобилось ломать комедию, будто он не встречался ни с кем в горах. Только прижатый прямым вопросом о табаке, он придумал незнакомого старика, но при этом не сообразил исказить его словесный портрет. Совершенно ясно, что Якитов не слышал об убийстве на дороге, тем более — об окурке. Просто поняв, что самому ему не избежать наказания в любом случае, он решил не впутывать в историю старика: ведь старик накормил, обещал помочь.

Козазаев шел рядом с молчаливым Пироговым и не мешал ему думать.

— Ты со мной? — спросил Пирогов.

— Куда ж мне, если я оказался пупом в этом деле.

НАД СЕЛОМ висело плотное звездное небо. В воздухе пахло снегом. Небольшой морозец после прокуренного кабинета доставал до глубины легких. Был тот час, когда в домах уже отопили печи. В большинстве окон не было света, и они выделялись на стенах слепыми черными прямоугольниками.

Козазаев шел на шаг впереди, показывая дорогу. Молчали, каждый по-своему переживая недавний разговор и предстоящую встречу с Сахаровым. По словам Павла, это был на редкость крепкий мужик, умный и хитрый, решительный до отчаяния. Павел предупреждал, что если Сахаров почувствует опасность, первым применит силу, и кто знает, что у него припасено за пазухой.

На этом Пирогов и решил сыграть: с ходу передать привет от Якитова, выразить недовольство потворством Сахарова, высказаться, во что обойдется укрывательство дезертира, рассеяться по-домашнему, начать составлять протокол.

Надо убедить Сахарова, что у него нет другого пути, как попытаться избавиться от милиционера; вызвать вспышку, погасить потом, воспользовавшись замешательством, получить ответ на главный вопрос: известно ли ему место зимовки банды?

ДОМ Сахарова двумя черными окнами смотрел на Урсул.

Пирогов обогнал Козазаева, молча указал ему место у стены в метре от двери, приложил указательный палец к губам, потом негромко стукнул в окно. Раз, другой, третий. Наконец, в доме послышались шорохи, открылась и тотчас закрылась внутренняя дверь. Кто-то стоял в сенях и прислушивался.

Пирогов, нисколько не таясь, поднялся на дощатое крылечко, взял-

ся за дверную ручку.

— Кого там нелегкая принесла? — спросил недовольный женский голос.

— Пирогов. Милиция.

— Чего надо ночью-то?

— Хозяин дома?

— И-и! Еще три дня уехал.

— Куда?

— Он и в былые годы не докладывал мне.

— Откройте на минутку!

— И-и! Много вас, кто по ночам нынче стучит. Почем знаю, милиция ты или еще кто.

Упрямство старухи начисто перечеркивало ее слова. Скорее всего, Сахаров сидел дома и направлял жену.

Не хотелось поднимать шум.

— Хорошо. Утром в почтовом ящике не забудьте взять повестку. Как вернется хозяин, пусть зайдет ко мне.

Сделав знак Козазаеву идти за ним, Корней Павлович сошел с крыльца, оглянулся. Павел стоял на месте и жестами показывал — уходи, я остаюсь здесь. Пирогов вмиг испытал к нему нежность, дал понять, что, сделав круг, вернется, и, сильно ухая сапогами, пошел прочь.

ПИРОГОВ уже выходил на параллельную Урсулу улицу, чтобы свернуть вправо и оказаться на задах сахаровского огорода, когда со стороны реки раздался тревожный вскрик, заглушенный низким, как хлопок ладошками-лодочками, выстрелом.

И голос, и выстрел были так неожиданны, что Пирогов остановился будто вкопанный, не смея перевести дыхания.

Эхо звуков дважды коротко ткнулось в окраинные горы, и наступила тишина.

Очнувшись, Пирогов резко повернул кругом и помчался назад, рискуя вывернуть ноги на осклизлой дороге — снегу в селе выпало мало, застывшая слякоть хранила бесчисленные глубокие следы колес.

В конце переулка Пирогов нос к носу столкнулся с Козазаевым.

— Ушел, зараза, — тяжело дыша, Павел возбужденно озирался по сторонам. — Саданул из обреза и тягу. Я ж говорил, на крайность пойдет...

— Ты-то цел?

— Мазанул он.

— Из дому вышел?

— Со двора. Должно, в сарае есть теплый угол, он там и отсиживался до поры, пока не прояснится горизонт. А тут понял и на запасную позицию отошел.

— Эта запасная, Павел, та самая, последняя, в горах. Но где, ума не приложу. В какую сторону он побежал?

— Да сюда куда-то. Я за ним. Но разве угонишься — бегать-то он здоров. А я еще не окреп после госпиталя.

Не ожидал Пирогов такой прыти от Сахарова. Думал, готовился поломать копыта на нем, а оно вон как обернулось.

Он посмотрел на Козазаева. Павел покусывал нижнюю губу.

— Ты что хочешь сказать?

— Да чего... Припоминаю, с детства не любил я Сахарова. Боялся, пожалуй. Глаз у него нехороший.

— А конкретней.

— Черт знает. Вроде мужик как мужик. В партизанах состоял. В гражданскую. Чуть не убили там: отряд их на засаду напоролся. Так, Сахаров с двумя мужиками в Урсул бросился. Он их и вынес.

— И часто он так спасался?

— С мужиками надо поговорить. Отец мой хорошо знал.

— Ты, Павел, найди мне пару мужиков, кто знает Сахарова с тех пор. Меня последнее время история занимать стала. Динозавры, бронтозавры, пещерные люди.

— А ты опять с подходом.

— Работа такая...

...В доме по-прежнему было темно, будто ни вскрик, ни звук выстрела не пробилась сквозь окна, не коснулись ушей бодрствующей старухи.

Пирогов требовательно стукнул в дверь. Старуха не подавала признаков жизни, и это говорило о том, что она тоже прислушивается к происходящему на улице и пытается понять, ушел Сахаров или нет.

— Вот, старая стерва, — проворчал Козазаев. — Я думаю, надо на нее девчат твоих отрядить. Они по-свойски договорятся быстрее. Не мужское это дело — с бабами брехать. А? Буди своих.

ГЛАВА

ВОСЬМАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ПОРУЧИВ трем сотрудницам доставить бабку Сахарову, Пирогов с Козазаевым вернулись в отдел.

— Скидай шинель, — сказал Корней Павлович, раздеваясь. — Мы сейчас печку затопим, чайку согреем.

Павел стащил с плеч шинель, подкинув, ловко поймал здоровой рукой вешалку.

— Какой чай-то? — спросил, цепляя петельку вешалки за толстый деревянный колок.

— Малина.

— Годится. А то я прочие травы в рот не беру. У меня от них в животе все переворачивается. А тут, — он провел рукой от горла к животу, — кол стоит.

Пирогов сложил в топку дрова, принялся щепать лучинки. Краем глаза он видел, как мечется, не находит места Павел. И правда получается — фронт фронтом, а дома, в мирной обстановке, помирять в рас-

цвете сил ох как не хочется.

— Ты садись, посиди.

— Ничего, — Павел остановился было, но тут же стал метаться опять. — Столько дерьма рассмотрел за один день.

— Сердишься?

— Да нет. Думаю, будь наоборот, и я так сделал бы. А все-таки обидно, конечно...

Корней Павлович подождал, пока разгорятся дрова, взял из-за печи закопченный литровый чайник, долил из графина.

— А скажи, лейтенант, чтобы в милиции, ну... как ты, при звании быть, надо школу закончить?

— Желательно.

— Ты-то кончал?

— Командные курсы я кончал. На границе служил.

— Понятно, — удовлетворился Козазаев. Похоже, его мало интересовало существо вопроса, но он просто не мог молчать, держать возбуждение в себе.

— Лейтенант, как ты думаешь, устоит Сталинград?

— Да он, по-моему, стоит.

— Я тоже считаю, устоит. Когда в тыл везли, видел я на станциях... Ты знаешь, по десять рядов эшелонов. Танки, пушки. Пехоты не видеть. Все техника. Ну, думаю, как даст в один раз, и привет Гитлеру.

Случись этот разговор в другое время, Пирогов порассуждал бы о неизбежности победы, о карах, которые он придумал для главных фашистов. Но сейчас его занимал вопрос другой. Выслушав длинную речь Павла, спросил, не помнит ли он, как был одет Сахаров.

— Ты хоть убей, не помню, — пожал плечами Козазаев. — Вышел вдоль стены и как даст...

— Но все-таки, шуба, пальто?

— Думаю, стеганка короткая. Он такой вроде тонкий был. Стройный, как видится.

Пирогов подвинул стул к печи. Огонь приятно щипнул лицо, запрыгал, заплясал в глазах.

— Хотел бы я знать, куда он ушел. Судя по одежке, не очень далеко.

— Может, поискать среди знакомых.

— Не-ет. К знакомым он теперь не ходок. Выстрелив в тебя, он в закон выстрелил. Кому охота с законами конфликтовать? Я вот о чем: ты парень местный и должен знать округу. Разные там места...

— В горах, что ли?

— Да. Какое-нибудь гиблое местечко, куда нормальный человек не сунет.

Нашагавшись от стены до стены, Павел остановился.

— Перед войной, помню, к отцу собрались мужики. «Трахнули» по маленькой и заговорили. Меня за стол не пустили, строгий был батяня. Я со двора навоз откидывал, а тут они вышли покурить. Да, покурить. И вот один дядька, он в Шепалине живет, все приставал к остальным: сходим, поглядим. Те его отговаривали, а он — сходим и все. Потом я узнал у отца — звал он их стоянку партизанскую посмотреть. В девятнадцатом укрывались на ней окруженные партизаны.

— Мужика того помнишь? — спросил Корней Павлович.

— Первый раз я его видел. А остальных троих — знаю. Тут живут.

Ширкнула обивкой входная дверь. Из дежурки донеслись женские голоса. Козазаев вышел навстречу, но скоро появился снова в сопро-

вождении Оленьки Игушевой, самой молодой из сотрудниц. Оленька пришла в отдел по рекомендации райкома комсомола, робкая, тихая. Пирогов не очень загрузил ее, а остальные девушки делали вид, что так и должно быть. Что-то подкупающее для всех было в изящной красивой внешности и кротком характере Оленьки.

— Товарищ лейтенант, — доложила Игушева. — Доставить Сахарову в отдел нет никакой возможности ввиду болезни.

— Какой болезни?

— Припадок, товарищ лейтенант, — опускаясь на будничный тон, пояснила Оленька. — Лежит и молчит. Не померла бы.

— Вот как!

Корней Павлович покосился на чайник. Он шумел, как паровоз, готовый сорваться с места.

— Оставайтесь, Игушева, здесь, заварите чай, — кивком показал на кулек, лежавший на комельке. — И ждите нас.

БАБКА симулировала и делала это с вероломством человека, привыкшего к крайностям. Пирогов распорядился вызвать фельдшера, и он появился через минуту, ибо вся округа, точно выходя из шока, выползала из домов на улицы, сходилась робкой, настороженной толпой. В этой толпе и оказался старый фельдшер, чей многолетний опыт с лихвой покрывал недостаток образования. Сахарова ожила, но Корней Павлович потребовал госпитализировать ее и держать под наблюдением сколько потребуется. Фельдшер хмыкнул на усы и повел старуху в больницу, думая, куда он ее там денет. Больница не вмещала всех нуждающихся.

Пирогов пригласил из толпы двух понятых, усадил в центре избы Сахарову и после этого осмотрелся. Дом был набит старыми вещами и вещичками: тяжелый треснувший шкаф с несколькими дверцами занимал половину стены; впритык к нему стоял черный комод с резными ручками. На комод — старинные часы без стрелок на тяжелой латунной подставке; шкатулка, утратившая блеск; железный ящик в форме кованого сундука; фарфоровая статуэтка балерины с одной ногой; бронзовое изображение Будды, предостерегающего входящего. Над комодом — желтое от старости зеркало в тяжелой черной резной раме... Большинство этих вещей, похоже, попало сюда случайно. Из купеческих и мещанских домов.

Корней Павлович открыл сундучок. Там среди пуговиц, ниток, лоскутков лежала пачка бумаг, перетянутая ленточкой. Щадя время понятых, Пирогов, не разбирая, положил пачку в комод.

В сенях, за мучным и крупяным ларем, он нашел несколько книг и очень обрадовался, узнав в одной из них узкий с заусиками шрифт.

«Так и есть. Из середины книги было вырвано несколько «книжек» — печатных листов.

Можно было уходить, но Павел заглянул на чердак и при свете лампы обнаружил сундук. Серый, запорошенный пылью, он, казалось, врос в свое место, но на одном боку отчетливо виднелись свежие следы. Кто-то совсем недавно прикасался к замку и крышке, нарушил покойную тишину старины.

В метре от сундука сверкнул желтый продолговатый предмет. Не веря глазам своим, Корней Павлович поднял боевой патрон. На дне сундука с тряпьем и бумагами оказались еще три таких, закатившихся

специальное разрешение. В тридцать девятом решении ВЦИК была изъята половина наградного именного оружия. Это он сам, Пирогов, отлично помнит. Заслуженные люди шли в НКВД, несли оружие. Им возвращали текст указов о награждении, даже паспорта к пистолетам. А сами пистолеты складывали в ящик. Слишком много оружия на руках у людей собралось, очень часто исчезало оно из добропорядочных домов и стреляло в милицию, в кассиров и просто так стреляло — в силуэт в освещенном окошке.

А Сахаров хранил патроны. И хранил обрез, из которого выстрелил в Козазаева. Выстрелил и промахнулся. Из обреза удобно бить в упор. С трех-пяти метров. А марал ближе чем на сто шагов не подпустит... Так для чего тогда хранить, прятать обрез? Даже, наверное, содержать его в порядке?.. Ведь со времени, когда здесь, в горных долинах, летали те самые «кайноки», двадцать лет прошло.

ЗА ОКНОМ небо начинало синеть, отрываться от вершин гор. Пирогов протянул руку к патронам, помедлил и быстрым щелчком «расстрелял» их один за одним. «Кайноки» раскатились широким веером.

Корней Павлович поднялся, собрал у печи четыре стула в ряд, а один бросил свернутую шинель, снял сапоги. До утра оставалось часа полтора-два.

...Ему приснилось, что он на войне. Кругом почему-то жуткая тишина, но он знает, что идет война. И вон того страшного немца с усиками, закрученными вверх, как у русского приказчика, надо свалить немедленно, иначе случится непоправимое. Он, Корней, нажимает на спусковой крючок винтовки, но немец идет и уголком рта ухмыляется, а один ус его лезет вверх, почти к глазу. «Ах, ты так!» — кричит Пирогов и пробует подняться навстречу. Но земля вдруг обламывается под ногами, и он едва удерживается на краю пропасти. А немец — вот он, смотрит незрячими глазами, кривится в усмешке и склоняется к уху: «Чего ж ты?..» Нет под Пироговым твердого упора. Не может он освободить руки, чтобы схватить пришельца за усы. А там — один путь, под кручу. Нет, не может, хоть плачь.

И так велико было его отчаяние, что он вдруг проснулся. Минуту лежал, уставясь в посветлевший потолок. Скосил глаза на окно. За ним начинался день. Из дежурки раздавались голоса.

Обувшись и повесив шинель, Корней Павлович виновато потоптался у печки, водой из графина промыл глаза, лишь потом вышел в коридор.

— Товарищ лейтенант, — вытянулась дежурная, — за время дежурства...

— Знаю! — перебил Пирогов.

На стуле против барьера сидел угрюмый старик и глядел куда-то в пространство.

Корней Павлович взял из рук девушки журнал, хотел вернуться назад, но снова глянул на деда.

— Извините, вы ко мне?

— К кому же еще?

— Заходите.

Старик поднялся и, шаркая пимами, пошел за Пироговым.

В кабинете он несколько сбросил суровость.

— Из Ыло я. Потапов Андриян Иванович. Спроси такого, все знают. К тебе по делу.

— Садитесь.

— Постою. Вопрос у меня, — ребром ладони дед рубанул воздух перед собой. — Может, у нашей власти силов не осталось порядок содержать? Или за большими заботами до малого руки не доходят? А тем временем погань на свет лезет, шалит в деревне почем зря. Овечку увели позавчера. У Семена Игнатьевича неделю назад — тоже. У солдатики Марьи одеялу с забора сняли. Повесила проветрить, а его — того. А у Федора, нашего председателя, яму с картошкой разрыли. Шалят, паскудники. Как бы худу не быть. Мало мужиков осталось по судам ходить-то. Могут голову отвернуть.

— Погодите. Что вас в отдел привело?

— Как же так? Шалят лихие людишки, говорю. Вот старики и собираются подкараулить. И уж коль поймают, быть худу. В старое время тут без милиции обходились и воров не было.

— Не торопитесь. Давайте по-порядку. Значит, вы из Ыло, — Корней Павлович достал карту района. Старик недоуменно следил, как он, расстала, разглаживал ее на столе. — В Ыло... Это Пуехта, тут Анкудай. Еще раз уточним: яму, значит, разрыли, овец увели. Одеяло...

— Ага. Перед войной справила. Новое, считай. Только повесила, и — на тебе, как корова слизала. Среди бела дня.

— Прямо среди белого дня?

— А чего ж! Пусто днем в деревне. Старухи да дети. Остальные — кто лес валит, кто в поездке — кожи повез. Две бригады кошары строят в часе ходьбы... Пусто в деревне. Тут паскудник и шарит.

— Свой кто-нибудь?

— Наверяд. Свой знает, что за такое бывает.

— Кто же тогда?

— Кабы знать. Объявился в округе. Ребяшня рассказывает, в Желтом распадке видели чужого.

— Где это? — Пирогов поспешно подвинул карту.

— Этого я не понимаю, — отмахнулся старик, — однако скажу, Желтый распадок: камень голый, ветер там сквозит. Пойдешь распадком, никакого интересу. В гору упруешься. А от нее другой распадок по левую руку.

— В Пуехту?

— В Пуехту, — несколько озадаченно подтвердил старик.

— И дальше?

— А чего дальше-то? Не было случая в даль забираться. Рассказывают, в обход горы есть ход, да не удобный. Камень и бурелом сверху. Наши туда особо не суются.

— Вот так? — Корней Павлович нарисовал карандашом вилку, два зубца в Ыло и Пуехту. Длинный конец, сделав зигзаг, потянулся вдоль хребта.

— Похоже, — согласился Потапов, понизив голос. — Думаешь, тут паскудник прячется?

— Пока ничего не думаю.

Старик положил руки на спинку стула, помрачнел.

— «Не думаю»... Ну, а мне ясно. Соберем мужиков и, коль поймает, смертным боем бить будем.

«А ведь и побьют,— подумал Пирогов, глядя в упрямо насупленные брови старика, примеряясь к широким покатым плечам, сухим, узловатым кистям рук.— Побьют и ахнуть не дадут».

— Сколько вас таких дедов наберется?

— Да уж наберется,— уклонился старик.

— Все-таки вы садитесь,— Пирогов указал на стул. После визита Сахарова, который до сих пор оставался для него загадкой, он был насторожен и готов к неожиданностям.— Садитесь, Андриян Иванович. Расскажите подробнее, что вас ночью подняло, в путь толкнуло. Считай, тридцать километров!

— Обидели меня вот как,— старик для порядка выдержал секунду-другую, сел.— Очень обидели. Хуже нельзя: почту вчера унесли. А в почте той газеты — целых пять да письмо от сына. Газеты жалко, десятидворком каждый день читали, что там про войну пишут. Ну да ладно. Так и письмо от сына, с фронту. Матвей так и сказал: поклат в ящик газеты и письмо. Прибегаю, нету... Ну, тут меня, прости, на матерки понесло...

— Вы писать умеете?— спросил Пирогов, терпеливо выслушивая.

— Слабо. Считай — нет.

— Тогда продиктуйте дежурной свое заявление. Строго по дням, что пропало. И оставьте ей. Обещаю, примем меры.

Обескураженный таким быстрым разговором старик совсем сник.

— А старичков вы соберите. Я вас даже очень прошу,— сказал Пирогов.— Да и парней-допризывников, самооборонников* еще. А я вам своих людей пришлю или сам приеду, смотр проведу, растолкую, что надо. Вы мне очень можете помочь.

Потапов совсем разомлел от таких слов. Слушал, кивал в такт словам.

— Есть, поди, промеж вас бывшие партизаны,— продолжал Пирогов.— Чоновцы тоже. Места кругом знакомые...

— Найдутся, а как же.

— Вот вы лично с такими штучками знакомы?— Корней Павлович взял со стола один из патронов, протянул старику.

— Это и дитю ясно.

— На марку взгляните.

Потапов нахмурил переносье, откинул голову, бочком, издали прицелился к буквам, зашевелил губами, складывая.

— Знаю такие. Мы их звали «кунак». Сильные, черти!

— Что за слово такое?

— А слово — не знаю. Говорили, будто мериканцы их своим порохом начиняли**.

— Патрон-то русский.

— Верно... А погон французский. Эти патроны в ту войну появились. Там я их впервые видел. Силен! Бьет, аж как пушка.

— Как же он сюда попал?

— Тут всякой твари по паре собралось в двадцатом. Мериканские, англицкие, японские. Эти — самые хорошие считались.

* Отряды противовоздушной и противохимической обороны, созданные из населения.

** Кайнок — патрон русско-американской фирмы, получивший название от пороха «койнок» американского производства.

ГЛАВА

ДЕСЯТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ЗАЯВЛЕНИЕ Потапова было формальным поводом. Корней Павлович давно собирался побывать в Пуехте, в Ыло, но со дня на день откладывал поездку — держали неотложные дела и просто дела, которые могли бы, как теперь он решил, подождать.

В Пуехте Пирогов встретился с председателем сельсовета, не старым, но болезненно хилым Смердиным, списанным из армии еще в тридцать четвертом.

— Лекцию привез?— спросил тот, пожимая руку.— Надо бы рассказать людям, что на фронте, что в тылу делается.

— У меня другие планы,— сказал Корней Павлович, расстегивая полушубок. В сельсовете было натоплено, как в бане.

— Меня твои планы не греют, не бреют,— насупился Смердин.— Я серьезно. Надо бы потолковать с людьми. Неизвестность грызет. Одиночество, тоска и неизвестность... Мне тут одна говорила: топлю-топлю, а холодно в избе. Оттого, что на душе холодно: как там, на фронте?

— Слушайте радио. Газеты есть.

— Это ты оставь. Радио — хорошо. Живое слово надо... Выйди, скажи: молодежи, гражданочки, ваши мужья благодарны вам, бьют проклятого Гитлера...

— Ну, а дальше? Что дальше-то? Нету у меня прямой связи с Генштабом.

— Зачем тебе Генштаб? Ты своими словами. Убеждения... После сорок первого, когда под Москвой им нащелкали, какие сомнения могут быть... Под Сталинградом будет фашисту большой капут... Но это ты скажи людям. Будто от имени Генштаба или еще кого там, не знаю. Выйди и скажи.

— Ладно. Жди завтра на обратном пути. Собери народ... А к тебе у меня вопрос: кражи замечал последнее время?

Взгляд у Смердина потух, будто ему напомнили старое наскучившее дело. Понурился, он сел на уголок стола, повертел головой, пряча лицо.

— Когда и что унесли?

— В колхозе — четыре овцы.— Он поднял подбородок, с вызовом посмотрел на Пирогова.— Только наши тут ни при чем. Могу головой поручиться.

— Кто же тогда?

— Не знаю. Но не наши,— повторил упрямо.

— Ладно. Допускаю. Но случай-то скрывать не следует.

Смердин снова потупился, сказал виновато:

— Мы тут судили-рядили. Дашь тебе заявление, ты меры должен принять. Дело-то закрывать надо? Вот и потянешь невинного.

— Хорошего ты обо мне мнения.

— Не о тебе речь. Есть закон, никому нельзя его переходить.

— Кражу умолчал,— Пирогов осуждающе качнул головой,— и о соблюдении закона толкуешь.

Неловко получилось. Понимал Корней Павлович, понимал и желто-

лицей председатель.

— На обратном пути из Ыло заеду, — сказал Пирогов. — Объяснительную и заявление возьму. Надо! А теперь такое дело: потолкуй со стариками, с допризывниками. Организуй патруль. У всех чужих проверяйте документы. Побежит, хватайте — и в яму, в сарай. Куда хотите. До выяснения личности. Уразумел?

Председатель помедлил, оправляясь от неловкости.

— Дело понятное. Кого-то ищешь?

— Это приказ, можно сказать. Не теряй времени.

Конечно же на обратном пути он выступит перед людьми. Это выступление в равной степени нужно и ему, чтобы сосредоточиться, привести в порядок разрозненные мысли. Из-за сутолоки последних недель в цепи его представлений о положении на фронте нарушилась последовательность звеньев. И только Сталинград, огромный город, как занавес между ним, Пироговым, и остальным театром военных действий...

В ЫЛО Корней Павлович приехал под вечер. Над деревней висели сизые дымки. В настывшем воздухе пахло горелым. Во многих окнах тускло светились лампы.

Сельсовет оказался запертым. Пирогов потоптался на крыльце, увидел в соседнем дворе старуху. Та сновала туда-сюда: дров собрала вязанку, в стайку сена забросила. На него, на Пирогова, никакого внимания, хоть и стоит он открыто, на фоне снежной горы видно его издалека.

— Эй! — окликнул Корней Павлович, хотел спросить, где председателя искать или хотя бы секретаря. Старуха дернула плечами, остановилась, прислушалась и вдруг, будто вспомнив что-то важное и неотложное, затрусил в дом.

Пирогову сделалось неловко за нее и за себя. Вон как! Люди боятся незнакомого голоса, а он, начальник райотдела, не может снять с них эти неуверенность и страх...

Он перешел улицу, постучал в розовое от печного огня окошко — в избе экономили керосин, довольствовались пока светом из приоткрытой печи.

Никто не метнулся к окну, не приклеился носом к стеклу — взглянуть, кого бог послал в неурочный час.

Корней Павлович снова постучал, чуть длиннее и требовательней, отошел к воротцам, прислушался. В сенях скрипнула, наконец, дверь, женский голос спросил: «Кто?»

— Подскажите, как найти дом председателя сельсовета.

— А это надо улицей вверх. Там будет проулок. Так, в том проулке первый дом. Глиной еще промазанный, — охотно, даже с радостью пояснила женщина. — Иди сейчас прямо вверх, смотри по левую руку проулок. Как будет — так повертай.

— Спасибо.

Он вел коня за узду, прислушиваясь и поражаясь глухой тишине. Точно не деревня в сотню дворов, а мемориальное кладбище с домами-надгробиями... Да сколько же времени теперь? Семь? Восемь?.. Что происходит с людьми? Боязнь темноты?..

Председатель тоже долго выяснял через дверь, кто да зачем, потом осторожно снял запоры.

— Товарищ Пирогов!

— Он самый.

— А я слышу, вроде знакомый голос-то. Мы с вами в райисполкоме встречались. Потом вы доклад про войну делали. Заходите в избу.

Пирогову почудился в его словах справедливый упрек. За полгода Корней Павлович трижды объезжал район, трижды бывал в Ыло, но каждый раз случалось так, что председателя сельсовета не оказывалось на месте. Месяц назад, как помнил Пирогов, председатель ездил за дровами, и теперь, наверное, вон они, пиленные, лежали под стеной сарая высокими штабелями.

— Лошадь бы куда-то на ночь.

— Это мы мигом. Мы ее ко мне в стойку. Там по нынешним временам, хо-хо, простору на всю деревню хватит.

В длинной нательной рубашке навывпуск он выбежал во двор, раскидал жердины, лежащие вместо ворот, взял лошадь за узду.

— Нн-о, хоршая. Нн-о!

Так же быстро он распряг ее, втолкнул в сарай, принес охапку сена.

— Сбрую, вожжи надо в сени занести. Не ровен час — уведут.

— Поди, не посмеют у начальника милиции, — сказал Пирогов, снимая дугу.

— Вы меня простите, если не так что брякнул: вон война какая идет, тут всё с ног на голову перевернулось. Заходите в избу. Вот та-ак! Осторожно! Темень проклятая!

В избе было тепло и сумрачно. На заставленном кухонном столе слабо светила лампа. За день разъездов Пирогов изрядно настыл и, шагнув из сеней за толстую, обитую мешковиной дверь, ощутил, будто его окатили горячей водой.

— Вот сам товарищ Пирогов в гости к нам, — сказал хозяин, появляясь следом.

У ЖАРКОЙ печи на высоком прочном табурете сидела женщина в широкой замызганной юбке, широкой кофте и в платке и чистила картошку. Длинная тонкая кожанка тянулась от ножа до пола. Женщина, не меняя позы и не прекращая занятия, приподняла голову, коротко посмотрела на Корнея Павловича, перевела тяжелый недружелюбный взгляд на хозяина и задержала его на нем значительно дольше.

«Кажется, я нарушил важный разговор», — подумал Пирогов, но не подал вида, сказал вслух напористо, бодро:

— Добрый вечер! Прошу прощения за неурочный час. Но дело у меня к вам.

Женщина не то кивнула, не то просто опустила голову, уставясь на картофелину. Корнею Павловичу вдруг сделалось стыдно. «Тут определено был разговор», — подумал Пирогов, вспоминая, с какой готовностью кинулся навстречу ему председатель. Решив так, он уже не удивлялся угрюмости, неприязни женщины. Снял шапку, поискал, куда бы ее положить или повесить. Но хозяин выхватил, аккуратно, даже осторожно, будто она была из хрупкого стекла, положил на настенный шкафчик.

— Раздевайтесь. Я помогу. Вот сюда...

Он провел Пирогова в комнату, точнее за печь, ибо вся изба делилась ею надвое, освободил стул, спихнув с него какие-то тряпки.

— Располагайтесь. Я — сам-момент.

Он о чем-то пошептался с женой, вернулся с лампой, поставил на стол, суетливо потыкался туда-сюда, поймал другой стул за спинку, под-

сел к Пирогову.

— Такие все дела. Не жизнь — толкучка.

— Может, я некстати?

Хозяин замахал руками. Это могло обозначать: «что ты, что ты» или «тише-тише!»

«Странный мужичок,— подумал Пирогов.— Как же ты, брат, руководишь Советом, если дома будто на спице вертишься».

— Как у людей настроение?— спросил Корней Павлович.

— У кого как. Молчат. А что на уме, поди узнай.

— Так все и молчат? И даже не ругаются.

— Этого сколь хошь. А вообще больше молчком.

— Вы бы первым заговорили. Глухо у вас. Вот и народ глохнет.

Немеет.

Хозяин провел ладонью по шее, поднес к глазам, качнул головой.

— Потеей чтой-то.

— Жарко топите. Дрова не вешаны.

— Жить в лесу и не иметь полена...

Председатель оглянулся на кухню, будто боясь, не подслушивают ли их. Взгляд его, небольших луповатых глаз был настороже. «Да что он в самом деле, — подумал Пирогов, — будто ждет кого-то и боится, как бы тот не встретился со мной».

— Как Анкудай стоит?

— На прежнем месте,— Корней Павлович пожал плечами.— Давно не был там?

— Не то чтобы... Пришлось к слову... Конечно, куда же ему деться... А вы к нам проездом? Или дело?

Разговор явно не клеился.

— Извините, у меня к вам несколько вопросов,— сказал Корней Павлович, поняв, что к близкому знакомству с этим человеком у него не лежит душа.

— Я... Да... Сам-момент...

Он снова убежал за печку, и снова оттуда послышался шепот. Хозяин тут же появился в комнате, вытирая тряпкой шею.

— Значит, вопросы?

— Да! Вас зовут Федор Африканович?

— Африканович,— как эхо подтвердил хозяин и кивнул для большей достоверности.

— Федор Африканович Князькин?

— Как есть — Князькин.

— И вы председатель сельсовета?

— Какой там председатель. Числюсь.

— Это как же так?— опешил Пирогов.

— Чего тут пояснять. Не годен я для такой работы. Характеру не добрал смолodu. Буду писать в исполком, чтобы освободили.

— На фронт тянет?

— Какой там фронт, товарищ Пирогов. Земля меня тянет. Спать ложусь и думаю, встану ли утром. Сердце у меня подорвано. И грыжа кой год мучит. А наемдни проснулся от голоса, будто матушка зовет. Ясно так услышал.

— Сколько вам лет?

— Скоро сорок шесть.

— Давно в Совете?

— Переизбрать хотели в сорок первом. А тут война стукнула. Отложили. А потом уж оставили... Сам-момент.

Вскочив со стула, он побежал на кухню. Зашуршали угли в топке, на чугунной плите зашипела вода.

Редкий, просто уникальный тип. Он уже вроде и не председатель — какой спрос, он же со всех сторон забронирован от фронта, ибо оставлен здесь представлять власть, выполнять распоряжения высших органов, проводить мобилизацию. Что это, от небольшого ума, ленивой дремы, сытого равнодушия, комариной культуры? Или это четко сформулированная позиция зрелого по возрасту человека? Тогда как и чем объяснить откровенность? Он ведь прекрасно понимает, что перед ним официальное лицо — начальник райотдела милиции, и этот разговор не может остаться между нами как безобидная шутка. Или он испытывает его, Пирогова? Только подводит к главному, которое прояснит первое недоумение?..

Князькин вбежал в комнату, будто за ним гнались с улицы, быстро сел на прежнее место.

— Вот я... Так, какие вопросы? По части бумаги? Они — в порядке.

— Вы Потапова Андрияна Ивановича хорошо знаете?

— Как же, как же! Бедовый мужик. Шумливый... Мастер крепкого слова... А что, облаял кого-нибудь? Так ему это просто.

— Был у меня он. Говорит, кражи у вас в деревне участились.

Князькин подумал, пожал плечами, оглянулся.

— Мать, ты про воровство что слыхала?— И, не дожидаясь ответа из-за печи, ответил сам категорично и коротко.— Не замечал.

Пирогов растерялся. В заявлении Потапова значился и Федор Князькин.

— Ну, а насчет ямы с картошкой вы мне ничего не скажете?

Глуповатое, подвижное лицо хозяина вдруг напряглось и отобразило беспокойную работу мысли.

— Ямы?.. Да, кто-то сковырнул верх... Откуда узнали? Я никому не жаловался. Или их поймали уже?

— А вы говорите — не слышал. Много взяли?— перебил Пирогов.

— Поди с мешок. Не перемерял остаток.

— Почему же не сообщили мне?

— Э-э,— Князькин махнул рукой.— Ее ведь не узнаешь, не мечена.

— Это уже наша забота.

— Хорошо, я сделаю заявление.

— Надеюсь. Кстати, это не первая кража в Ыло.

— Да, так... Иногда шепоток доходит. А больше молчит народ. Боится.

— Кого?

— Ну как... Говорят, немцы в Оби пароходами объявились. До Новосибирска доехали, потом в лес ушли.

— Что за глупость. Кто такое говорит?

— Все потихоньку. Библию подняли, а там сказано: будто бы между Бией и Катунью война кончится. Сам не видал... Но как не верить. Сила-то солому ломит. До Волги Гитлер добрался. На Кавказ. Слухи ходят, как Москве конец, так и у нас большевикам крышка.

Вот оно в чем дело! Большевикам — крышка, Советам — крышка. А ты, голубок, председатель этого самого Совета. И ты не хочешь под крышку. Земля тянет тебя, а ты не хочешь. Ты лучше загодя отречься от всего, что нацеплял на себя в мирное спокойное время. И откровенность твоя всего лишь расчет на свидетеля... А может быть, даже на наказание: смотрите, люди добрые, я жертва большевистского произвола. Ах, скот! Чем же ты лучше бандитов, прячущихся в горах? Да ты хуже их! Те хоть не лицемерят, прижались к своему берегу. А ты стоишь на

стремнине и местечко в кустах выглядываешь.

Пирогов почувствовал физическое отвращение к Князькину, к его гладкой потной шее, вытянутым небритым щекам, седым завиткам в разрезе ворота рубахи.

— А еще слух идет, будто Турция и Япония...

— Хватит,— Корней Павлович встал.— Постыдились бы хоть. Завтра утром договорим. А сейчас дайте ключи от сельсовета... Или нет, проводите меня к Потапову.

— Как? Как же? Но ведь я думал... За что купил, за то продаю. Я могу заявление о картошке... Мать! Господи, ты где есть, мать? Товарищ Пирогов, не обижайте. Изба просторная. Вы гость... Есть кровать... сыновья... Он на войне у нас... Как все нынче... И мы, как все... Ждем.

Он встал на пути. Корней Павлович молча обошел его. Уже в проходе на кухню оглянулся, смерил Князькина взглядом, точно запоминая.

— Так это враки? Правда? Что пароходами... Мать! Я ведь говорил.

Пирогов молча накинул полушубок, надвинул шапку на глаза. Сказал:

— Я подожду на крыльце.

— Ох, господи!.. Сам-момент.

ГЛАВА

ОДИННАДЦАТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

НА ТРЕТИЙ день после Октябрьских праздников Пирогову позвонила директор школы Ситко.

— Мне нужно встретиться с вами по очень запутанному делу.

— Пожалуйста,— сказал Корней Павлович. Он только вернулся из исполкома, где лектор из области рассказывал о текущем моменте и о перспективах второго фронта. И теперь, листая стопку газет, пробегал глазами сводки и удивлялся способности лектора видеть содержание между строк, делать из неуловимых подробностей широкие обобщения. Так за лаконизмом официальных сообщений из Сталинграда, оказывается, надо видеть не только опасность и сложность обороняющихся, но и невозможность немцев склонить чашу весов на свою сторону, их бессилие в этом. Таким образом, получалось, что в Сталинграде фронт стабилизировался и уже не представляет исключения из других. Составители сводки будто бы даже утратили к нему интерес.

Вот так штука! Ничего подобного не приходило Пирогову в голову.

Аккуратно положив газеты на место, Корней Павлович вышел в дежурку, облокотился на широкий, как прилавок, деревянный барьер. Дежурная — белокурая, пушистая, как цыпленок, Оленька Игушева,

которую все называли только ласкательно, поднялась со стула.

— Сиди.

— Да уж насиделась, товарищ лейтенант.

— Спокойно?

— Спокойно, Корней Павлович.

— А немцы в трехстах метрах от штаба армии, обороняющей Сталинград. А?

Дежурная не поняла хода его мыслей, ответила с веселым вызовом:

— Час на час не приходится. Перед обедом опять дед Никифор шумел. Грозился всех нас лозой посечь.

— Это за что же?

— Он же на прошлой неделе и месяц назад приходил жаловаться: кто-то почтовый ящик у него чистит. А там газеты. И вчера опять вытащили. Говорит, велел почтальону положить в ящик, потому как сам в исподнем в предбаннике был. Когда помылся, вышел к воротам — нет газет...

ДЕД НИКИФОР отличился в гражданскую войну, имел орден Красного Знамени и тяжелое ранение. Где-то под Семипалатинском в схватке порубили ему ногу выше колена, посекли шашкой голову. Никто из своих не считал его жильцом. Но чудо любит отчаянных. Он выжил, и, больше того, срослась кость на ноге, только как-то криво. С тех пор дед Никифор бороду густую отращивал, чтоб шрамы безобразные на скуле и через щеку немного прикрылись, и годов с тридцати пяти от роду его за бороду прозвали дедом.

В войну, с самого сорок первого туго стало с бумагой. Газеты сократили тиражи, трем из четырех желающих отказывали в подписке. Дед Никифор за прежние доблести имел привилегию. А так как почта приходила нерегулярно, привозили газеты в Анкудай пачками, случалось сразу за неделю. Такую вот последнюю пачку кто-то стащил вчера. И неделю назад. И месяц. Никифор лютовал так, будто его глаза лишили.

— КАК ЖЕ вы от лозы увернулись? — ухмыльнулся Пирогов.

— Варвара и Полина обещали, что после каждой новой почты будут охранять его ящик.

Он хотел сказать, что Варвара, Полина, да и она, Оленька, молодцы, начинают по-настоящему понимать свою роль, но тут открылась входная дверь, и в дежурку вошла директор школы. Пирогов несколько раз встречался с нею в исполкоме, однажды даже разговаривал по поводу двух сорванцов, задержанных в чужом сарае с самосадам.

Еще раз поздоровавшись с Пироговым и приветливо кивнув бывшей своей ученице Оленьке, директор начала сразу:

— Прошу считать наш разговор как частный, — сказала она негромко и внятно, будто диктуя урок первоклассникам.

— Заходите в кабинет, — пригласил Корней Павлович и первым вошел по полутемному коридору. — Прошу вас, — он распахнул дверь. — Можно снять пальто, печь еще не остыла. Садитесь, где вам удобно.

— Спасибо.

Она расстегнула две верхние пуговицы, сдвинула на плечи шаль.

Гладко зачесанные волосы засеребрились. Ей было сорок или чуть больше, но она успела овдоветь и потерять на фронте сына. Это Пирогов знал.

— Вот у меня какое дело,— начала Ситко все тем же учительским тоном.— Сегодня утром мы обнаружили, что ночью кто-то обокрал школу. Каждый день по решению исполкома на большой перемене мы выдаем ребятам по кусочку хлеба — пятьдесят граммов. Вчера наш завхоз пошла за хлебом и ей вместо десяти килограммов выдали двадцать, то есть на два дня. Пять булок мы разрезали на дольки и раздали ребятам, а остальные скрытно внесли в пустую половину школы, завернули в мешок и положили на сиденье дальней угловой парты. После этого завхоз заперла дверь на замок, ключ взяла с собой. Он всегда у нее хранится... Сегодня утром первой в школу пришла техничка. Засветила лампу. Как она потом рассказывала, ей почудилось, что за ночь школа очень выстыла. Ну, почудилось, так почудилось. Короче говоря, тетя Даша — Дарья Никифоровна Покидова обнаружила неладное, закрыла школу и прибежала ко мне. По дороге мы захватили завхоза Сидорова, учительницу Федорову, маму Коли Вагина, нашего ученика из пятого класса. Такой большой группой мы вошли в школу. Завхоз вдруг указала на дверь, ведущую в закрытое крыло школы. Одна створка ее была распахнута, и оттуда тянуло холодом, который отметила техничка. Внутренний замок был открыт. Естественно, мы сразу вошли в класс, где лежал хлеб. Его не оказалось. В учительской не доставало зеленой бархатной скатерти с общего стола. Стеганки тети Даши мы тоже не нашли. Попутно выяснилось, что, оказывается, исчез бачок для питьевой воды и кружка с цепью. Из кладовой пропало ведро, топор, кочерга и даже какое-то тряпье... Все это — тряпье и бачок — могло быть делом рук мальчишек, да и в первый момент мы даже, признаюсь, заподозрили некоторых наших. В конце концов, как это ни скверно, но кража походила на хулиганство. Плохо было то, что пропал хлеб. Сидорова тут же расплакалась и начала оправдываться, что ни на минуту не оставляла ключ и никому не говорила о хлебе. Федорова тоже. Кроме меня и завуча о хлебе знали только они. Тогда мы решили поговорить с ребятами откровенно. И когда они собрались перед уроками, мы рассказали им о случившемся и просили, если это шутка, вернуть все на место. Однако к большой перемене ничего не выяснилось.

Чем дальше, тем больше и больше не нравилась Корнею Павловичу эта история. Какие уж шалости и баловство. Несколько раз он порывался перебить Ситко и задать уточняющие вопросы, но ровный диктующий голос не допускал этого.

— Мы решили подождать до конца уроков. Школа гудела... На третьей перемене наш историк Вера Андреевна обнаружила, что недостает карты европейской части СССР и политической карты мира. Остались планки, а карты — аккуратно вырваны... Это переполнило чашу нашего терпения. По нынешним временам карты не достать ни за какие деньги. Я позвонила вам. Но вас не было. Через час я снова звонила. Только в третий раз застала. Так как нам быть?

Пирогов прошелся по кабинету.

— Плохо, что я узнаю об этом последним. Это раз. Во-вторых,— что об этом знает вся деревня. Надо было позвонить дежурной и сообщить.

— Мы надеялись, что разберемся сами. Ведь задета честь школы.

ДВЕНАДЦАТАЯ ★★★★★★★★★★★★

«Для чего? Из любопытства? Или ему не безразличны большие, опасные события, свалившиеся на страну? Но ведь это парадоксально.

Все нормальные люди там, где идет война. А он — здесь».

«Однако вспомни, как тебя изумил Сахаров. Его донос или поклев на граждан не стоил выведенного яйца. Он ведь и не настаивал на принятии мер к «германским шпионам». Может, его интересовала твоя карта? Вспомни, как он рассматривал карту, сокрушался: «куда прут», «так и до нас». Его глупые бессмысленные заявления служили поводом прийти к тебе».

«Что же из этого?»

«А то, что приобретает значение и хищение газет у Потапова и у деда Никифора. А может, у кого-то и еще».

«Ближний свет ходить в деревню за газетой».

«Попробуем выяснить, не было ли каких краж именно в эти дни. Конечно, неразумно рисковать головой ради газеты. Но с другой стороны, почему бы и не рискнуть, если газета, а теперь и карта просто необходимы?»

Эта мысль стоила того, чтобы поработать над ней.

Перед войной на областном совещании начальник управления, подводя итоги работы органов НКВД и милиции, заявил, что в России в основном покончено с организованной уголовщиной. Корнею Павловичу с тех пор не доводилось слышать о каких-либо бандитских выступлениях до самого последнего времени. И вот вдруг неудачная попытка остановить машины, кража коровы у Якитовой, овец у Потапова, картошки у Князькина.

Пирогов не сомневался, что банда возникла из группы людей, укрывающихся от призыва в действующую армию. Люди эти представлялись ему малодушными, загнанными в щель, цепенеющими от страха перед фронтом и перед вероятным возмездием здесь. Отсюда обнаженная сдержанность: мы, де, не грабители, мы жалкие люди, которые хотят жить и есть.

РАЗМЫШЛЯЯ так, он поравнялся с больницей. Остановился, глядя в неяркое окно, за которым чуть заметным размытым пятном маячила человеческая фигура. Похоже, это был фельдшер, и Корней Павлович решительно повернул к широкому трехступенчатому крыльцу.

Он не ошибся. На стук вышел фельдшер, поздоровался, повел в ординаторскую.

— Догадываюсь, зачем изволили.

— Проходил мимо,— как бы извиняясь, пожал плечами Пирогов.— Вижу, сидите. Дай, думаю, зайду.

— Спасибо. Я ж ведь с той ночи почти безвыходно здесь. И за эскулапа, и за сторожа.

— Людей не хватает?

— Да нет, слава богу. Врача недавно принял. Дамочка молодая. И медицинскую сестру. Их с детьми из Ленинграда вывезли.

— Помню таких.

— Хороший врач, скажу вам, умница,— фельдшер понизил голос.— Я у нее ума-разума набираюсь.

— Ой, уж,— с сомнением покачал головой Пирогов.— С вашим-то опытом.

— Медицина — тонкая наука. Ее одним опытом не возьмешь.

— Ну что ж, если все так хорошо, я рад за вас,— Корней Павлович обвел взглядом ординаторскую — стол, белую скамью, два стула,

шкафчик; продолжал будто между делом:— А в сторожах из-за Сахаровой сидите?

— В некотором роде,— деликатно ответил фельдшер.

— Установили причину приступа?

— Нет. Похоже, схитрила старушка.

— Я могу с нею поговорить?

— Отчего же. Если она захочет,— фельдшер усмехнулся в правый ус, пошел к двери.

Пирогов привычно шагнул к столу, хотел придвинуть его к столу, но передумал, сел на дальний от двери край скамьи, снял шапку, распахнул шинель. Ждать пришлось недолго. Едва он устроился удобно, открылась дверь, и в комнату неуверенно заглянула Сахарова. Голова ее была повязана платком по-старушечьи. Синий двойной байковый халат чуть не дважды оборачивался вокруг тела. Казалось, она хочет спрятаться, затереться в нем.

Она не сразу увидела Пирогова, но, увидев, узнала тотчас. И насто-рожилась.

— Проходите,— сказал Корней Павлович, поднимаясь навстречу и указывая на стул у стола.— Прошу.

Она осторожно села на указанное место, уставилась в сторону.

— У меня к вам несколько вопросов. Но прежде, чем я задам их, предупреждаю об ответственности за ложные показания или укрывательство. Меня интересует, как далеко уехал ваш муж?

Он умышленно построил вопрос так, будто продолжал тот недавний разговор, когда стоял перед закрытой дверью.

— Тебе виднее,— ответила Сахарова.

— Вы второй раз не хотите отвечать, а я предупреждал вас о возможных последствиях. Так, где он?

— Не знаю,— стиснула губы еще сильнее, отвернулась.

— Он в Ыло? В Пуехте? — торопил Пирогов.

— Нет.

— В Анкудае?

— Нет.

— У него есть охотничья избушка в горах?

— Нет.

— Он офицер в прошлом?

— Нет.

— Кто такой Скоробогатов?

Старуха мельком взглянула на Пирогова. Он увидел, что ей пришлось сделать усилие над собой.

— Не знаю.

— Когда он обещал прийти?

— Кто это еще?

— Он, — Корней Павлович кивнул на окно, за которым в сотне метров поднимался горный хребет.

— Не крути. Кого надо?

— Скоробогатова...

— Ты это чего? — старуха даже приподнялась, снова глянула в окно, во влажных глазах мелькнуло беспокойство.

— Простите, оговорился, я имел в виду Сахарова. Так когда он придет?

— Ты на пушку не бери, — вдруг обозлилась старуха. — Ничего я тебе не говорила.

пяти, первым отвел взгляд, уступая старшему.

— Такое, знач, дело. Отъехали от Хабаровска. Перед мостиком, против Святого ключа, сразу после спуска направо... Ну, знаешь?..

— Помню, — Пирогов знал это место, знал ключ, кем-то запертый в металлическую трубу, отчего вода бежала как из водопроводного крана. Ключ с давних пор именуется Святым, каждый проезжий и путник считают обязанностью отведать его воды, оставить на кустах сувенир — матерчатую ленточку или конский волос.

— Вот, знач, спускаемся сторожку, где юзом, где катом. Глядь, у дороги лежит. Ну, то ли человек, то ли зверь. Голова, знач, лапы или руки вперед. Вытянулся... Открываю дверку, показываю, — старший кивнул на молодого, — показываю ему: если беда какая, жми что духу в твоих цилиндрах. Подъезжаем, зверь израненный весь, подыхает. На груди и на боку — две пулевые дыры. Интересно?..

— Очень интересно. Взглянем.

В кузове лежала убитая кабарга. Шоферы зажгли фонарь.

— Вот дырка и вот. От пули.

— Да, раны огнестрельные. Говорите, еще живая была?

— Чуть живая. Глазом повела, когда подошли, шеей дернула...

— Очень интересно. И след есть?

— На снегу, как на картинке. И кровь.

— Интересно, — в третий раз повторил Корней Павлович уже машинально, думая о своем. — Отвезите меня на место.

Шоферы помедлили. Младший зачем-то стал щупать кромку борта. Старший откликнулся, между делом скребя щетинистый подбородок, чуть не высекая из него искры:

— Оно, почему бы и нет. Только дохлые машинешки-то, шибко не газанешь. А станется, и вовсе не доедешь. Через километр — рушатся.

— В претензии не буду.

КЛОКОЧА, как закипевшие самовары, скрипя и ухая на рытвинах, ЗИСы покатали через центр.

В кабине пахло бензином и еще чем-то сладковатым.

— А что, Палыч, очень важное в этой козе?

— Думаю, очень. Пожалуй, даже очень.

Урсул круто взял влево, и дорога пошла по горбатой долине, зажатой меж гор. Фары выхватывали впереди то куст, то дерево, а сзади плотной непроницаемой стеной стояла ночь, пасмурная, холодная. Машина осторожно клонула носом, скатилась с горки. Под колёсами скрипнул расхлябанными досками настил. За стеклом обозначилась темная лента речки. Берега ее белели снегом.

Шофер тормознул, выключил мотор.

— Донесло.

Распахнул дверцу, оглянулся.

— А Ваське, знач, не подфартило. Стал.

Пирогов осмотрел место, где лежала кабарга, нетерпеливо шагнул к четкому следу. Он уходил к речке и терялся в ней. По камням, рискуя поскользнуться, Пирогов перешел речку. Снег на том берегу лежал нетронутым. Только голыши покрупней чернели боками из-под лихо скинутых белых беретов. Значит, кабарга сколько-то шла по воде. Чутко всматриваясь в каждое пятно, Корней Павлович пошел по бе-

реку, узкой полоске у подножия каменной, выше неба горы.

Следы не попадались, и он уже решил, что поторопился перейти реку. Возможно, кабарга шла той стороной, по инерции влетела в воду и тут же выскочила из нее. Наметив себе конечную точку и поворот, Пирогов пошел дальше и тут заметил длинную борозду на снегу, похожую на след санного полоза, чуть выше начинался кабаргиный след. Уставшее животное не рассчитало прыжок и зацепило кромку берега.

Корней Павлович оглянулся на машину. Шофер стоял перед капотом в полосе желтого света фар и не спускал с него, Пирогова, глаз. Второго ЗИСа все еще не было.

Прикинув направление, откуда бежала раненая кабарга, Пирогов вернулся к машине.

...СЛУЧИЛОСЬ неправдоподобное: разговаривая с шофером, Пирогов сомкнул на мгновение веки, даже не сомкнул, просто неожиданно мигнул раз-другой, а когда разомкнул, над горами во всю хозяйничало румяное утро. Он понял, что проспал остаток ночи.

Шофер сидел рядом и тоже спал, уткнувшись головой в руки, скрещенные на баранке.

Стараясь не шуметь, Пирогов вышел из кабины, мягко прикрыл дверцу.

За два или три часа, что проспал он, из низких туч, с вечера хорошевших над селом, выпал на землю снег, чистый и рыхлый, как пена парного молока. Не желая верить в случившееся, Корней Павлович бросился к тому месту, где лежала кабарга, и с трудом различил его. Крайние следы, отчетливо проступавшие несколько часов назад, исчезли.

Он вернулся к машине, не таясь, дернул за ручку. Шофер вздрогнул, поднял помятое, багровое со сна лицо.

— Ты, знач?

— Я, — скривился Пирогов, садясь на прежнее место. — Удивляюсь, почему нас с тобой не связали и не ткнули головой в речку.

Шофер, ничего не понимая, глянул через исполосованное инеем лобовое стекло.

— Чего? След есть?

— Ни шиша, никаких следов... Тоже мне, не мог растолкать.

— А как бы я растолкал, если вперед тебя отошел.

— Не ври.

— Как есть — вперед. Ты еще про последние известия говорил, Сталинград, знач, а мне словно кто ваты в уши насовал. Сперва немного, потом больше, потом совсем наглухо.

— Не может быть, — недоверчиво уставился на него Корней Павлович. — Я же потом тебе про орех рассказывал. А ты поддакивал.

— И что из того, что поддакивал... Перед войной затеял я лодку купить. Деньжата скопил. Баба — ни-ни. Дом перекрывать, а мне уж очень — лодку. Ну, с полочки возьми и спрячь тридцатку на амбарушке под стропилку. Утром встаю — бог мой! — баба с амбарушки по

лестнице крадется, деньги в кулаке. Вижу — моя красненькая. Я к ней, «как узнала?». А ты, говорит, мне всю ночь рассказывал и про деньги, и где ты их взял... А ты, говоришь, поддакивал. Я еще мог вопросы разные задавать...

— Лунатик, что ли?

— Нет, верно... Хотя у бабы спроси — было и не раз... А тут... — Он неопределенно подергал плечами. — Умаялся. Машинешки — больше под ними лежишь, чем едешь. Вот ведь — нету еще...

Высвободив из рукавицы руку, он ткнул большим пальцем за спину.

— Знач, пока мы тут спали, он, Васька, раз пять чинил.

— Пока мы спали, — сказал Пирогов, — выпал снег и закидал все следы. Напрасно старались..

Шофер толкнул дверцу, выглянул наружу, сощурился от белизны, удивился не то обрадованно, не то растерянно:

— Ух ты, и правда! Как же теперь?

— По-старому. Едем назад, если радиатор не заморозил.

Последнее Пирогову пришло неожиданно, и ему стало неловко вдруг за свои упреки...

В двух километрах они встретили второй ЗИС. Он стоял посреди дороги, как рассвирепавший сарлык, готовый драться с первым встречным. Василий, почерневший от бессонницы и холода, копался в моторе.

ГЛАВА

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

СОБСТВЕННО, ничего страшного не случилось. Охотник, метивший в кабаргу, не стал преследовать ее, а это значит, либо увидел машины, либо вообще не рискнул приблизиться к дороге, а следовательно, имеет основание держаться подальше от людских глаз. Хотя бы потому, что оружие было нарезным и выбрасывало красные пульки, похожие на «кайнокъ».

Таким образом, третья сторона треугольника начинается где-то близ Храбровки и идет на запад, к Ыло.

Корней Павлович расстелил карту, бросил между предполагаемыми пунктами линейку. Треугольник почти замкнулся. Достаточно было чуть продолжить линию Пуехта — Анкудай. И на это Пирогов имел право без дополнительных уточнений, ибо так или иначе большая сторона треугольника шла четко вдоль Чуйского тракта.

ПОСЛЕ обеда в отдел зашел Козазаев.

— Звали, Корней Павлович?

— Иди-ка глянь. Вот треугольник. Вспомни хорошенько, тебе не приходилось в нем бывать?

— А как же! Только недалеко. Тут есть тропа, — Козазаев поводит пальцем по карте, отыскивая нужное место. — Она не обозначена, но где-то вот здесь. Тут вот ферма. От нее тоже тропа... До войны мы сюда шишковать с отцом ходили. Но далеко не забирались. Разве что вот так.

— А ниже не спускались?

— Не было нужды особой.

Корней Павлович согласно кивнул.

— Помнится, ты обещал стариков найти.

— Один у меня уже на учете.

— Позови его.

Павел поднялся. Вытянулся по-военному. Только рука, как кукла, поперек груди...

В Пуехте посторонних людей ни его сотрудниками, ни представителями местных властей замечено поблизости не было. Но из Ыло сообщили, что в праздники какой-то эвакуированный предлагал купить старое серебряное колечко, — менял на кусок хлеба или мяса.

Пирогов заинтересовался.

— Что он предлагал еще? — спросил Корней Павлович, перекрывая расстояние: слышимость была плохая, точно тот сельсовет находился под землей.

— Кажется, ничего больше.

— Точно или кажется?

— Трудно сказать. Предлагал колечко. Оно на пальце у него. Может, еще чего было.

— Откуда он взялся?

— Приехал с попутным возчиком. Сказывал, пробивается в Усть-Кан на работу.

Пирогов едва сдерживал раздражение. Князькин не скрывал своей наивности.

— Как он выглядел?

— Обычно. Пальто, шапка. Больным сказывался. И правда, весь такой бледный. Не иначе, как городской.

— Вот что. Если упустил этого «больного», так хоть дай его портрет. Ясно говорю? Портрет. И описание самое точное. Завтра вечером жду или самого, или пакет.

Корней Павлович заказал разговор с Усть-Каном и в ожидании его заматался по кабинету. Эвакуированные приезжали в села организовано, по разнарядке облизполкома: тебе столько-то, тебе столько-то, обеспечить размещение, прописку, место в школе, в детском саде. Каждую группу предваряет подробная телефонограмма. Большинство эвакуированных — ленинградцы, здесь у них ни родных; ни знакомых. Чужие люди берут их на постой, делятся с ними посудой, продуктами. Правда, случается, что из Бийска набредают в горы менялы. По пять-шесть человек для храбрости и безопасности. С мешками, котомками. В мешках тех кое-какое барахлишко: сапоги — за барана, штаны — за барана. Если костюм или какая другая вещь еще не старая — пальто, кожан довоенный — корову просят. А этот — с колечком...

Как и предполагал Пирогов, в недавнее время эвакуированных в Усть-Кане не появлялось, как и посторонних, ибо очень уж приметен

в нынешнее время мужик.

Корней Павлович поблагодарил, просил проследить, вдруг-таки явится. Но в душе не оставалось места сомнению: в Ыло среди белого дня под видом эвакуированного побывал наблюдатель. Значит, те, в горах, обеспокоены появлением его сотрудниц и шумной подготовкой отрядов самообороны.

Пирогов снова склонился над картой. Коричневые хребты, бежевые отроги, зеленые долины. Вот Ыло. Вот Анкудай. Здесь мостик, речка. Место, где лежала кабарга. До Храбровки еще шесть километров. Кабарга шла распадком, почти по линии третьей стороны треугольника. Предположим, логово строго в центре. Но и тогда до Ыло часов пять ходьбы... Впрочем, кабарга ушла от охотника. Их встреча могла состояться здесь, северо-западнее. Черт, эти карты не дают ни малейшего представления о расстояниях. Горы, одним словом.

ШАРКНУЛА входная дверь. Что-то сказала дежурная. По шагам Корней Павлович догадался, что идут двое, один ступает крепко, второй при-
волакивает ногу. Так и есть. На пороге кабинета появилась невысокая фигура в широком книзу, как парашют, тулупчике, порывавшей суконной шапке с сухим кожаным козырьком. Увидев Пирогова за картой, старик замешкался. Козазаев мягко подтолкнул его сзади.

— Проходите, — пригласил Корней Павлович, поднялся навстречу. — Извините, мы не знакомы.

Старик неуверенно передернул плечами, покосился на Павла.

— Трофим Сидоркин я.

— Садитесь. И посмотрите сюда, — Пирогов повернул карту перед стариком. — Вам эти места знакомы?

— А как же?!

— Что вы о них можете рассказать?

— Что о них рассказывать. Места как места. Даже красивые. Только с нашей стороны трудно зайти. Камень тут крутой. И тянется, считай, верст на десять. Потом тут и тут где-то, — старик ткнул пальцем в карту, — помягче будет спуск. Но долина сжимается. А на дне, как ступенька. Аршинов так на десять. Потому с этой стороны для чабанов неприступная дорога. Да и вообще. В девятнадцатом, едят тя мухи, малость потеснили нас белые. Ушли мы, как в крепость: где не сунется Колчак, мы его видим издалека. Тут и ждем. Охоту быстро отбили.

— Как же туда пройти?

— Ежели скрытно надо, заходи от Святого ключика вдоль речки, до первого распада. Там лесок по дну, а склоны голые...

— Лесок, говорите?

— Лесо-ок. С тех пор — ежели Егора не было, красиво, думаю, там теперь.

— Кто такой Егор, извините?

Старик кивнул понимающе.

— Это мы называем, когда река до дна промерзает. А в верхоях вода скапливается, ледяные коросты намораживает. Во! — Он повел взглядом от пола до потолка и обратно. — И вот однажды течет все это. Ох, течет, не приведи рядом оказаться.

— Понятно. Был лесок и — сплыл... Ну, а трава, дрова и прочее... Есть?

— Этого добра в две руки не взять. Склон-то отчего голый? Круто — раз, дерна — во! Два, — Трофим Сидоркин сложил два пальца. — А под дерном камень уступами со щелями. Мох... На нем дерево начинает расти. В руку, а то и больше вымахает и не удерживает себя. Вместе с дерном вниз летит. Лиственница все больше... Мы из того леса жилье собирали... Костер жгли.

— Шалаши ставили, айлы? — спросил Пирогов.

— Айлы ставили. Две землянки отрыли. Не отрыли даже, а скорее прикрыли. Были такие ямы. Мы почистили их, лесу накидали. Сверху камня, земли. Дело к осени шло. Даже печь выложили.

— Долго сидели?

— Не. Тут вскоре объявился красный полк. Белые ушли.

— Не припомните, кто из анкудайских был еще в отряде?

— Как же, — старик обиделся. — Всех помню. Чтоб не соврать: двадцать, как один.

— А Сахаров? Сахаров был среди вас?

— Этот-то? — старик кивнул за окно. Он знал о бегстве Сахарова, о стрельбе, хотя, пожалуй, и не догадывался, чем они вызваны. — А как же? Тоже был.

Получалась сплошная чертовщина. Сахаров — бывший партизан, и Сахаров укрывает дезертиров, ведет опасную игру с Пироговым, тем самым выдавая какое-то нетерпение.

— Не помните, как Сахаров появился в отряде?

Старик помедлил, виновато отвел взгляд, зачем-то оглянулся на Козаева.

— Хотя убей, едят ты мухи... Сам он не анкудайский. Из Тюнгурса. Или Усть-Кана. Тоже не знаю. К нам он пришел... Да, мы уже в Шепалино сбегали. Тут где-то...

— А потом?

— А потом — чо? Красная Армия! Мы, кто постарше, по домам. Молодых служить призвали... Нет, не помню, а врать не хочу.

— Большое спасибо на том, — кивнул Пирогов. У него не осталось сомнения: Сахаров, зная место труднодоступной, сносно оборудованной партизанской базы, воспользовался ею для зимовки дружков, а теперь и сам ушел туда.

«Но ведь он знает, что в селе остались люди, не хуже его помнящие о лагере... — вдруг подумал Корней Павлович. — Что если я ухватился за ложное направление?.. Если все не так? Но кабарга шла распадком, о котором толкует старик. Именно там ее дважды подстрелили из обреза или карабина...»

Трофим Сидоркин терпеливо ждал, когда Пирогов обдумает следующий вопрос. Худое лицо его, с белой негустой щетиной по щекам выражало готовность вспоминать хоть до вечера.

— После войны Сахаров сразу осел в Анкудае?

— Да ведь как сказать. Кабы знать тогда.

Старик остерегался напраслины. И в самом деле, придет ли в голову честному человеку присматриваться к окружающим, запоминать их.

— Ладно, это уже дело второе. Если разрешите, мы к вам еще при случае обратимся.

— В любой раз. То ж денег не стоит.

Пирогов записал со слов Трофима Сидоркина несколько адресов бывших партизан, попрощался за руку. Старик уважительно склонил голову, уже пошел к двери, но вдруг остановился.

ми торбами. Скучая, очередь разглядывала идущего милиционера. Пирогов прибавил шаг, но тут от высокой завалинки отделился прямой, как кол старик и направился ему наперерез.

— Добрый день, товарищ начальник, — сказал низким голосом.

— Здравствуйте, — Корней Павлович остановился. Старик взял его за рукав — дальше, дальше от чужих ушей.

— Трофим Сидоркин сказывал, очень интересуетесь старым лагерем партизанским.

— Извините, кто вы?

— Ефим Логунов.

— Логунов? Ло-гу-нов, — Пирогов отвел взгляд, припоминая список, составленный со слов Трофима Сидоркина. В нем не было фамилии Логунова. Это уж точно. — Еще раз извините, мы не знакомы.

— Вас-то я знаю. А вы меня... — старик пожал плечами, продолжая уводить Корнея Павловича от очереди. — Вам-то уж как всех знать.

— У вас ко мне есть срочное дело?

Логунов помялся, оглянулся на людей.

— Я из тех, кто зачинал этот лагерь. Из партизан я.

«Возможно», — подумал Пирогов. Трофим Сидоркин назвал четыре фамилии. Корней Павлович и не настаивал, чтобы он вспоминал всех.

— Ох, погоревали мы тогда, — продолжал Ефим Логунов. — Одна страхота. Не приведи бог такому повториться.

— Вы помните место?

— А как же! От Святого ключа четыре часа хорошего ходу. По речке.

— Вы сможете пойти со мной сейчас? В отдел? Записать показания.

— Нет! — старик оглянулся на очередь. — У меня четвертый номер. А сказывают, хлеб уже отгружают, скоро привезут.

— У вас есть еще что сообщить?

— Да нет... Так я. Заходить от Храбровки надо, факт. Сидоркин верно рассудил. Речки держаться надо. Она не замерзает до января. А теплой зимой и вообще не становится... Вот здесь, что хотел я... Память дырявая стала... Да! Осенью... Уже снег выпал... Беда у нас приключилась. Загадка такая... Там пещера есть. Так мы в той пещере пост держали. Караул, по-военному... И вот осенью исчез за ночь караульный. Ушел. И ведь не просто сбег, а пулемет с собой прихватил. Был у нас один, «Льюис» прозывался. С кругляком над стволом... Так вот, проснулись — ни караульного, ни пулемета. Думаем себе, — домой, собака, подался. К бабе. Так на кой ляд пулемет упер? Мы без него как цыплята голые остались: пять винтовок, два нагана, шашка и десяток пик самодельных. Придет взвод белых, голыми руками в мешок соберет... Послали мы одного, Ильку Федорова, в село. Наказали: разыщи, морду набей, пулемет верни. Пошел Илька и не возвратился. Послали Силантия Бострюка. Степенный мужик был. И тот не возвратился. Ну, думаем, спастись надо. А тут слух дошел — трамном идет товарища Беляева полк. Двасти тридцать четвертый. Маловершинский полк Красной Армии. Тут и мы осмелели... Как Анкудай взяли, так мы сразу в дом к беглецу. А им там не пахнет. Не было его. Ни одного часа. Баба божится, сама голосит: убили-и... И Ильку, и Силантия убили. Только этих-то — белые. В деревне на улице их взяли. Одного, потом другого. А Васька — как в омут головой.

Так его и не видали с тех пор. Дети без отца выросли.

«Вот и у Якитова без отца вырастут. У многих нынче — без отца», — подумал Пирогов. Будучи в плохом настроении, он никак не мог взять в толк, зачем его остановил старик.

— Вот ведь загадка. Правда? Пропал человек, — заключил Логунов.

И тут очередь оживилась. Из-за угла вывернула повозка с голубым ларем. Ее сопровождали мальчишки — как всегда шумные, везде появляющиеся.

— Везут! Везут! — орали они, скача и размахивая руками.

— Ну, я пошел, — засуетился старик.

Пирогов кивнул на прощание.

«Причем тут пулемет и вся эта история двадцатилетней давности? Нам своих загадок на пальцах не уложить...»

В ОТДЕЛЕ у дежурной ждала Корней Павловича телефонограмма: «Сообщите готовность операции «Кайнок». В декабре ожидается транспорт сверху... Гарантируйте безопасность. Начальник обл. упр. НКВД».

Подпись.

Вторую зиму подряд, считай, с тех пор, как призывали на войну машины ЧВТ (Чуйского военизированного тракта), идут трактом караваны верблюдов из Монголии. Сотни тюков с шерстью, кожей, готовой меховой одеждой — подарками для бойцов Красной Армии. Грузы немыслимой цены по военному времени. И уж совсем не поддается воображению международный скандал, или, точнее, если вдруг...

В кабинете длинно зазвонил телефон, но пока Корней Павлович отпирал дверь, бежал к столу, звонок оборвался. Пирогов дунул в микрофон, хотел постучать по рычагу, вызвать телефонистку, но вдруг передумал. Кому очень надо, позвонит еще. А у него и так выше головы событий за первую половину дня: одни торопят, другие категорически отказываются понимать, третьи на что-то намекают...

Он осторожно положил трубку на рычаг, кинул на свободный стол шинель. Подпоясывать гимнастерку не стал, ремень с кобурой положил на темную нижнюю полку книжного шкафа. Сел и задумался.

«Сообщите готовность...» Лично он — хоть сегодня. Но его не хватит на пять-шесть человек. «Кайноки» могут не подчиниться. Горы, глушь придадут им дерзость, а безвыходность положения ожесточит до безрассудности. Он не боится опасности, хотя, конечно, случай очень серьезный. Но можно вспугнуть банду, упустить, вынудить отойти в другое место. И тогда ему, Пирогову, или кому-то другому придется все начинать сначала. Для операции «Кайнок» требуются грамотные, смелые исполнители. Надо обложить логово, как это делали крестьяне, заметив близ села волка. А у него — восемь необстрелянных девчат. Нужно время и время, чтобы пройти с ними хоть краткий курс огневой подготовки, приучить к оружию. Наконец, надо сформировать группы оцепления из местных мужиков в Пуехте, Ыло, здесь в Анкудае проинструктировать их. Операция ставит целью полную ликвидацию банды, а не разгон, перемещение ее.

Неделю и больше назад, ему, Пирогову, казалось, что нет работы ответственней, как выявление места обитания лесных нехристей. И вот

теперь, когда «адрес» логова прояснился, на первое место выступила сложность завершающего этапа операции.

Сколько ему потребуется времени? Пять? Десять дней? Это будет зависеть от решительности и смекалки его сотрудниц.

КОРНЕЙ Павлович взял телефонную трубку, услышал, как щёлкнула мембрана, и тотчас женский голос сказал:

— Слушаю вас.

— Соедините с дежурной райотдела.

Телефонистка хмыкнула. Пирогов даже представил ее гримасу — вот дает! Но в конце коридора тотчас раздались один за другим несколько нетерпеливых звонков.

— Дежурная слушает.

— Разыщите Козазаева. Дома, в бане, на печи. Я жду его сегодня в любое время.

— Е-есть! — борясь с сомнением, ответила дежурная. — А вы откуда... звоните?

Пирогов положил трубку.

ГЛАВА

ШЕСТНАДЦАТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

— ТЫ КОГДА-НИБУДЬ чему-нибудь удивлялся, Павел? — спросил Пирогов.

— Всяко бывало.

— А я давно так не удивлялся, — Корней Павлович взял со стола стопку исписанной бумаги, качнул в воздухе, будто прикидывая вес. — Ты знаешь, кто такой Сахаров?

Павел пожал плечами.

— Эта рыбка хорошему рыбаку славу сделает... Хочешь почитать?

— Расскажи. Поди, пойму.

Пирогов согнул бумаги дугой, постучал торцом по крышке стола — подровнял листы по верхнему срезу, бережно положил перед собой.

— Тут такое, черт... В книге не прочитаешь... Тут детектив настоящий. Шерлок Холмс голову сломит. А Пинкертон на первой странице пулю в лоб себе пустил бы.

— Но уж? — недоверчиво возразил Павел.

— Я тебе говорю. Правда, нам от этого не легче, но чем черт

не шутит, когда бог спит. Рискнем, а?

— Чего-то ты опять издалека заходишь.

— Да если этим, — Пирогов ткнул пальцем в бумаги, — если этим без подготовки стукнуть, на ногах не устоишь.

— Валай, усижу, поди.

— Ну так слушай... Вопросы потом. Или как тебе захочется. Ты лучше моего знаешь, кто такой Кайгородов и чем он занимался. Знаешь, чем этот белый бандит кончил. И чем вообще это дело закончилось. В следственном материале по кайгородовцам несколько раз упоминается фамилия Скоробогатова. В одних показаниях сказано, что в первый приход банды некто Скоробогатов, — заметь, из бывших красных партизан — пожертвовал отряду две винтовки с комплектами патронов и пуд муки на кормежку... В других — Скоробогатов имел встречу с Карманкой Чекураковым. Из третьих установлено, что весной двадцать первого к Кайгородову приезжала делегация от «крестьян» Горного Алтая с просьбой избавить их от большевиков. В протоколе названы четыре фамилии, остальные двенадцать не известны, но среди четырех снова Скоробогатов... Еще? В двадцать втором, во время второго пришествия, заметь, под Ыло Кайгородову удалось сильно потрепать подразделение регулярной Красной Армии. О намерениях красных перекрыть подступы к Анкудаю сообщил через верного человека Скоробогатов... Однако в деле есть и другие документы. Тот же Скоробогатов находится в переписке с командованием красного полка, выполняет его поручения и удостоивается благодарности... Не правда ли, забавно?

— Очень. Но при чем тут Сахаров?

Корней Павлович чуть медленней, чем следовало, отыскал среди бумаг маленький листок.

— Это я конфисковал у Сахарова при обыске.

Павел пробежал глазами машинописный текст:

«Дана тов. Скоробогатову в том, что в период войны и бандитизма в Горном Алтае он выполнял важные поручения красного командования, за какие отмечен революционной благодарностью». Подпись: нач. штаба полка.

— А вот еще довольно забавные бумажки из сахаровского архива.

«Г-ну Скоробогатову.

Тулба. 13. 10. 21

На ваше письмо от 28. 09 сообщаю, что я согласен командировать к Вам сотню. По получении теплой одежды для людей. А вообще теперь обстановка изменилась так, что для военных целей сотня у нас не нужна... Разъезд есаула Подтихова, что стоит у Шаргоби, поступает в Ваше распоряжение. С людьми этого разъезда разыщите центросоюзовский скот, отберите силой и пригоните в Тулбу.

Генерал Бабищ.

«Тов. Скоробогатов!

Ликвидация отрядов Бабища приходит к концу. Осталось закончить ваше дело. К вам выехали два эскадрона кавалерии. Смело можно ликвидировать сотню Новожилова, а затем и отр. Шелетова.

Краском Хромов».

«Генералу Шелетову.

Боевые части сосредоточились на Т.-Н. Красные окружены Смоляниновым и будут вскоре ликвидированы. Скоробогатову поручено сообщить Вам об этой победе.

Генерал Бабищ».

«Справка

С апреля м-ца по декабрь 1921 года батальон Вишерского стрелкового полка занимал линию у монгольской границы....Житель села Укоп Скоробогатов оказывал полное содействие подразделениям батальона в борьбе с бандитизмом. В частности с бандами Смолянинова, Лыкова и другими ставил меня в известность о их передвижениях. Около половины разведданных батальона я получал от Скоробогатова. Когда ж Тарарыка вышел из заграницы, чтобы поднять «восстание в волости», Скоробогатов, спросив оружие, лично поехал с отрядом для борьбы с бандитизмом».

Комбат-два.

— Выходит, Скоробогатов и Сахаров...

— Это еще предстоит доказать. Или выяснить при встрече. Бумаги Скоробогатова могли попасть к Сахарову каким-то путем случайно или были похищены. Но сам факт знакомства Сахарова с оборотистым малым заслуживает внимания... А в общем, чем черт не шутит. Обрати внимание на прием: и нашим, и вашим. Помнишь, я рассказывал, как он в грудь себя бил: «Германские шпионы...» Один почерк со Скоробогатовым. И похоже, одна цель — заручиться справкой: во время войны проявлял бдительность.

— Рисковый мужик,— сказал Козазаев. — Его же здесь многие знают. Уже одно то, что он сменил фамилию, могло насторожить кого-то из знакомых.

— Ни в Тюнгуре, ни в Усть-Кане Сахаров и Скоробогатов никогда не жили. Оттуда знакомых ждать не приходилось. В Анкудае Сахаров известен как красный партизан. Справка начштаба на имя Скоробогатова служила прикрытием на случай, если это имя пойдет по делу кайгородцев, а сам Сахаров будет опознан как Скоробогатов. Выполняя задание красных, он мог ходить с делегацией «крестьян» в Монголию, встречаться с Чекураковым... А весь маскарад с фамилией опять же для того, чтобы белые якобы не узнали в нем партизана Сахарова.

— Дальний прицел получается. И все-таки остаться здесь жить, значит рисковать головой.

— На то у него были свои причины, нам не известные пока. Есть подозрение, что близ Анкудая у него спрятаны какие-то ценности... Из этих бумаг, — Пирогов положил растопыренную пятерню на документы, — из этих бумаг известно, что Кайгородов, бежав в Монголию в двадцатом году, рассчитывал на серебро Центросоюза, спрятанное в Бекон-Мурене белобандитом Сатуниным. Однако тайник оказался пуст. В двадцать втором в Пуехте или... — Корней Павлович перевернул верхнюю страничку, потянулся ко второй, но читать не стал, вспомнив так. — Нет, прямо здесь, в Анкудае неожиданно вспыхнул сарай с паклей. Сгорело почти все — сухая пакля, как порох. Но в грудях пепла и залитых остатках оказались два обгоревших до неузнаваемости трупа и две оплавившиеся бутылки. А кружек оказалось три... Погибшие были пришлыми и, похоже, издалека, потому страсти быстро улеглись. Выяснить что-нибудь подробнее тогда не удалось... Если связать факт исчезновения ценностей с пожаром...

— Погоди, — перебил Козазаев, — Сахаров рисковал, живя здесь, оберегал краденные ценности. Так, может, у него и оружие поблизо-

сти припрятано? Выделил же он Кайгородову две винтовки? А сколько их было всего? В то время этого добра больше, чем грибов, валялось.

— Правильно. Иначе зачем хранить патроны. И, конечно, почувствовав большую опасность, Сахаров даст бой. Ведь стрелял он в тебя, лишь догадываясь о цели прихода.

Пирогов снова прикинул вес бумаг. Павлу показалось, что на этот раз они сильно потяжелели.

— Какой вывод, командир?

— О выводах рано говорить. Но у меня ощущение, что банда имеет белый цвет.

— Это как же? — не понял Козазаев.

Корней Павлович медлил, обдумывая, — говорить или не говорить. Те, кого месяц, неделю назад, еще вчера и сегодня утром по дороге в отдел Пирогов брезгливо именовал дезертирами, кто представлялся ему бесконтурной студенистой кучкой омаразмевших со страху бесхарактерных мужиков, вдруг прорисовались в стройную шеренгу людей, знающих, чего они хотят.

— Сахаров — не просто темный подневольный мужичок. А один из тех, на ком держалась белая гвардия. Эти сахаровы не грезили о высоких чинах и должностях. Их устраивала унтерская неприметность и возможность лично чинить суд и расправу. Они даже не пытались осмыслить происходящее в стране; хотя попробуй они сделать это, могли бы понять и оценить многое. Ведь они ой как не глупы! Но им казалась клятвопреступной сама попытка осмысливания. За такие опыты они рубили головы налево и направо. И своим, и нашим... Знаешь, это очень сложная и опасная категория людей. Многие из таких сахаровых не прекращали пакостить до недавних пор да, наверное, пакостят и теперь. Многие, поняв безуспешность политической борьбы, перестроились на откровенную уголовщину.

— Тогда почему он не взял к себе Якитова? Ведь кто-то должен чистить парашу...

Корней Павлович развел руками.

— Законный вопрос. Я задавал его себе. Трудно сказать пока что-то определенное. Но мне кажется, Якитов разочаровал Сахарова. Точнее, Сахаров увидел, что Якитов не тот человек, который ему нужен. Якитов — запутавшаяся, трусливая фигура. У него проходящая болезнь. А там, — Пирогов кивнул за окно, — там люди другой категории. Им нужны газеты и даже географические карты.

— Ты считаешь, что Федька не совсем пропавший?

— Конечно.

— Это как же? — живо спросил Павел.

И Пирогов вдруг будто впервые подумал, что Павел, наверное, хорошо знал Якитова с детства, может, даже дружили, пока один не обзавелся семьей, детьми, и отношения их поостыли. То, что произошло между ними октябрьским вечером, обострило память и оставило у Павла горьковатый привкус непоправимого.

— Извини, — Пирогов глазами показал на стопу листов, — в суматохе забыл сказать тебе: судили Якитова, неделю уже как.

— Как судили? Где?

— В области. Второго числа.

— Трибунал?

Корней Павлович дернул уголками рта — улыбнулся ровно столько, чтобы заметил Павел.

— Что обошлось?

— Не темни, командир.

мент — собственноручное письмо на имя секретаря обкома. Не ожидал? То-то! Очень любопытное письмо! Написано на нескольких листах карандашом. Бумагу и карандаш в Бийске прихватил, уходя от родственников. Писал в лесу. В Топучей опустил в ящик... Это письмо и решило его судьбу. Искреннее письмо! А в конце приписка: жду на вершине у Семинского перевала, у двухэтажного дома три дня, самому прийти духу не хватает. Так вот. А письмо в обком на седьмой день пришло. Почта-то неважно работает. И тогда пошел Якитов сдаваться, да напоролся неожиданно на тебя. Как ведь бывает, шел с повинной к власти — власть произвола не допустит, а встретил постороннего человека, к тому же знакомого, к тому же солдата. Ну и сплеховал — дал задний ход...

— Представь, нет. Секретарь ходатайствовал, просил внимательно разобраться. Якитов, говорят, плакал от радости. Сказал как-то здорово. Вроде — побыл я в волчьей шкуре, поглядел со стороны на землю родную, вот она — твоя и не твоя, потому что с тем земля родство хранит, кто до конца дней ни на грамм не растрчивает своей сыновней преданности. Хорошо сказал. Чуть суд не прослезил... С первой группой призывали его вторично. Поехал веселый, молодой. Обещал писать письма.

СЕМНАДЦАТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

Это, конечно, были не сами фотографии, а копии, и не совсем удачные в большинстве случаев: бледные, точно из тумана, плоские

лица были невыразительны, пожалуй, чересчур общи, потому что тени сливались с полутенями, а они — с волосами, усами, бородами. Мелкие приметы совсем не просматривались.

«Черта тут узнаешь! — подумал Пирогов. — Только голову заморочишь себе и людям».

Шестеро из одиннадцати были пересняты с очень старых фотографий (погоны, аксельбанты!). Гадай, как выглядит этот молодой заносчивый человек теперь, спустя столько-то лет!

На обратных сторонах мелким почерком были написаны краткие справки о разыскиваемых. Кто же эти люди? Почему они не ладят с законом? Почему не принимают его?

«Кочуров, — прочел Корней Павлович, — 1897 года рождения. Осенью 1918 г. прибыл с группой высших деникинских офицеров в ставку Колчака для связи и координации действий фронтов. К Деникину не вернулся. Служил в военной комендатуре. Отличался крутым нравом. Был беспощаден с солдатами, сомневающимися в белом движении. Задержан в мае 1920 года. При конвоировании разоружил конвой, истребил и скрылся. В 1927 г. заочно проходил по «офицерской группе Гордиенко» в Омске. В 1929 г. арестован в Семипалатинске, но исчез, предположительно, вместе с конвоем. В 1933 г. пытался перейти через границу в Иран. В 1934 и 1935 годах дважды опознавался, но оба раза уходил. Монархист. Особо опасен. Владеет холодным и огнестрельным оружием».

Пирогов перевернул фотографию изображением к себе. Пухлый кудрявый юноша глядел ему в глаза.

«Ищи такого. Хотя бы примета какая... Почти миллион таких красавцев кормились у Колчака. Где этот миллион теперь? Чем дышит, чем занимается?»

Отложил Кочурова, взял следующего.

«Паскин Ф. М., 1894 года. Служащий Семипалатинского отделения Монголторга. В период белого переворота в Сибири служил наводчиком наценности Центросоюза. Выдавал партийных и советских работников. Привел банду полковника Шишкина на разъезд, где находился отряд красных мадьяр (150 чел.). Ночью способствовал снятию часовых и тем — полному уничтожению красного отряда. С 1920 г. по 1922 г. состоял в различных белых бандах политических и уголовных окрасок. Жаден. Опасен. Был дважды опознан в 1927 и 1932 годах. Есть подозрение, что кружит близ тайника с награбленными ценностями».

«Что значит — кружит? Где? У Семипалатинска? По Сибири?»

У третьего глаза глубоко посажены. Надбровные дуги выдвинуты вперед козырьком. Потому не видно глаз. На их месте — будто непроницаемые черные очки.

Ищи эти очки!

«Булычев, 1899 г. р. Командир отдельного Алашского взвода в банде есаула Тарарыки. По собственному признанию, состоял в партии эсеров. Отошел. В 1920 году заигрывает с командованием красного полка. Выполняет небольшие поручения. В 1921 г., выведав слабые места в обороне границы, бежал к Тарарыке, привел его тайными тропами прямо к казармам и штабу. В 1923 г. уходил за границу. Поступил в китайскую разведку. В 1937 году опознан в Барнауле. При задержании оказал сильное сопротивление. Ушел. Есть сведения, недалеко».

В ТОТ ЖЕ день Пирогов и нарочный, симпатичный молодой человек в новой армейской шинели, с двумя кубарями в петлицах, на «эмке» выехали в Ыло и предъявили все фотографии жителям, видевшим странного эвакуированного, меняющего серебряное кольцо на мясо и хлеб. Большинство опрошенных не узнали никого, но двое, независимо друг от друга, указали на лысеющего мужчину лет сорока пяти с продолговатым лицом, овальным лбом, тонким прямым носом, усмешливым ртом. Прищуренные глаза прятались в тени сведенных бровей, и именно на это обратили внимание оба опознавшие. Обладатель колечка имел высокие залысины и тоже длинный тонкий нос, но глаза его почему-то не удержались в памяти.

Пирогов перевернул фото, прочел на обороте: Кочуров В. С.

— Инструктор райзо, — пояснил на обратном пути нарочный, удивительно осведомленный для своей неприметной должности курьера. — Исчез через четыре месяца после начала войны. Розыск объявили по инициативе райземотдела, куда обратилась жена. Выяснилось: поручик белой армии, член банды полковника Шишкина, орудовавшей в Семипалатинской области. Инициатор резни красных мадьяр. Из материалов следствия известно, что он уходил в двадцать втором году в Китай. Из других источников — даже служил в китайской разведке. Интересовался структурой и состоянием монгольской армии. Потом исчез. И, как выяснилось, ненадолго. Тайно вернулся, работал в Омске, потом в Арзамасе. Там в тридцать третьем женился. Через четыре года приехал в Касук, оттуда перебрался под Барнаул. Устроился в райземотдел. Грамотен. Решителен. Рост и телосложение совпадают с показаниями свидетелей — сто восемьдесят семь сантиметров.

«Романтическое сочетание — эсер, бывший офицер», — подумал Корней Павлович. Вслух сказал:

— Два контрика — Сахаров и Кочуров — не много ли?

— Если бы два... — глядя перед собой, неторопливо выговорил нарочный, — у Колчака было пять миллионов под ружьем. Где они теперь? Найди сейчас, в чьем личном деле это записано.

— Служба в бывшей царской и белой армии не преследуется законом, если человек прекратил вредную деятельность.

— К сожалению. Мы, — он так и сказал «мы», не решаясь назвать кого-то, — были слишком либеральны в двадцатые годы... Антоновщина, Ишимский бунт, всякие там «союзы», кулачество — все это прощалось со ссылкой на темность, неграмотность. Но с каких пор неграмотность стала достоинством, оправдательным фактором для открытых врагов?.. Глубочайшее заблуждение.

— Но ведь кто-то осознал, даже искупил свою вину, стал полезным человеком, — осторожно возразил Пирогов: в голосе молодого, похоже, недавно вышедшего из училища нарочного, прозвучали нотки превосходства.

— Те, кто осознал, искупил — тебе неизвестны. А Сахаров и Кочуров окопались в твоём районе. Сволочь Власов под крылышком фашистов хлопочет об «освободительной» армии, воображает себя крупным политиком. Всякие там полицаи, старосты, бургомистры? Доморощенная шушера... Твоя клиентура из этой категории. Если не хлеще.

— Что значит — хлеще? И что может быть хлеще?

— И Сахаров и Кочуров могли бы найти способ служить у немцев. Здесь заявление — направить добровольцем, там — переход через линию фронта. Недавно это не так уж трудно было сделать...

— Однако они не писали заявлений, не рвались навстречу фа-

Пирогов оставил вертушку, повернулся лицом к хребту. Если это было, то было только там, внутри вычерченного им треугольника. Но какой смысл палить в темноту.

Еще не решив зачем, Корней Павлович медленно пошел вдоль улицы, прислушиваясь к собственным шагам. У подножия отрога остановился как вкопанный: местами шурша, местами клацая, с горы мчался невидимый камень.

По спине прокатилась холодная волна. Опасность исходила от осыпи, но и тот, кто шевельнул ее, оставался в вязкой непробиваемой взглядом темноте. Пирогов передвинул кобуру на живот, расстегнул кнопку, положил ладонь на холодную рукоятку револьвера.

Камень пронесся стороной, влетел в заросли багульника и успокоился. И снова наступила тишина.

Почти не дыша, Корней Павлович выждал несколько минут, стал подниматься в гору. Он часто останавливался, прислушиваясь к темноте перед собой. Частыми, сильными толчками колотилось сердце от предчувствия непременной встречи с кем-то, кто не хочет, не желает встречаться с ним.

«Если это было, то почему ночью? — снова подумал Корней Павлович. — И почему так близко. Они ведь должны понимать... Или думают, что деревья спят?»

Не доходя до вершины, он снова затаился, всматриваясь в черную щетку пихтача, едва различимую на темном небе.

Ничто не нарушало тишины.

«Камень мог сорваться и сам», — успокоился Пирогов и все-таки пошел вверх, ориентируясь на кромку осыпи.

В пихтаче лежал неглубокий, насыщенный дневной влагой, а теперь примороженный снег. Он закрипел под сапогами. Корнею Павловичу показалось, что от этого скрипа пробудились, вздрогнули пихты, зашевелились множеством неясных теней.

Пирогов замер, вынув из кобуры револьвер, взвел курок. Тени успокоились, но ощущение, будто несколько пар глаз принялись рассматривать его в упор, не проходило.

Он обошел пихтач, вглядываясь под ноги, почему-то возомнив найти на снегу человеческий след.

Следов не было.

Держась вершины, Корней Павлович прошел с полкилометра. Дальше отрог круто набирал высоту, и карабкаться на него в темноте не имело смысла. Пихтач впереди мелькал и редел, а снег становился прочнее, глубже. Не имело смысла искать встречи именно здесь: банда не заинтересована оставлять следы.

Пирогов повернул назад. До утра оставалось совсем мало времени, а усталость все тяжелила тело.

«И все же, кто стрелял ночью? Зачем?»

...В ДЕВЯТЬ утра он прямо из дома зашел к председателю райисполкома еще раз обсудить обстановку, прикинуть наличие сил, задано решить с Якитовой. Председателя не оказалось на месте. Как сказала секретарь, он пошел в райком. Пирогов позвонил в отдел. Дежурная, узнав его, затараторила испуганно и часто.

— Звонили из Пуехты. Ночью кто-то стрелял поблизости. Был слышен голос... Обещали еще звонить.

«Странно, — думал он. — До Пуехты пятнадцать километров...

Неужели долетел сюда звук?»

Из райотдела Корней Павлович вызвал Пуехтинский сельсовет. Ответила секретарь.

— Два выстрела... Да... Вроде, голос... Туда пошли комсомольцы. И председатель тоже...

— Кто слышал голос?

— Ребята шли с заимки... Да, четверо их... Говорят, и крик, вроде. И выстрел сразу... И еще потом.

— Почему тотчас не позвонили?

— Ребята сплеховали. Перепугались, видно. Только утром прибежали в сельсовет.

— Кто из ваших деревенских в отъезде был вчера? Кто в тех местах мог быть?

— Выясним, Корней Павлович... — виновато заверила секретарь.

— **ВЫЯСНИТЕ** сейчас же. Я еду к вам. Через час буду.

Невысокая лохматая выносливая лошадка легко протрусила пятнадцать километров. Только в пахах взмокла, закрутилась кольцами шерсть.

Пирогов набросил повод на коновязь, широко распахнул дверь в сельсовет. В приемной комнате сидела немолодая женщина, рассматривала какой-то длинный список. Увидев Пирогова, она поднялась.

— Какие новости? — вместо приветствия спросил Корней Павлович, протягивая руку.

— Пока не вернулись.

— В какой стороне они?

— Да вон, — женщина, согнувшись, выглянула в окно, показала пальцем в гору. — Тем распадком и пошли... Мимо горелого кедра.

Сидеть и ждать не имело смысла.

— Попробую встретить их.

Он проехал километра два. Дно долины было неровным, каменистым и почти чистым от снега. Дважды Пирогов видел свежие следы, направленные в сторону от деревни, видимо, оставленные поисковиками.

«Черт возьми, на таком расстоянии едва ли можно расслышать человеческий голос... Но и не мог же он почудиться сразу четверым...»

Еще через километр он снова увидел следы. Много следов. Они вели в гору, разбросанные широко: здесь поисковики перестроились в шеренгу.

«Их тоже обеспокоило расстояние, и они решили осмотреть гору», — подумал Пирогов.

Выше, сколько было видно, следы рассыпались реже. Некоторые тянулись в сторону деревни. Корней Павлович поворотил коня, поехал медленно, всматриваясь в полуголый склон.

Следы терялись вдали. Велика гора — день ходить не переходить. «А если они спустятся против села?»

Он терялся в предположениях; то давал коню шпоры, то сдерживал его и совсем неожиданно из-за склона увидел черный ствол сожженного молнией кедра. За ним метрах в трехстах стоял крайний домик с плоской земляной кровлей.

«Как же ты собираешься логово искать?» — с горечью и неприязнью к себе подумал Пирогов.

Он объехал склон со стороны деревни, никого не увидел и вернулся в сельсовет. «Ну что ж, в решении Кочурова был холодный расчет: искать человека в горах сложнее, чем иголку в стогу сена... И если бы он не обнаружил себя, его никто не хватился бы сто лет».

ПИРОГОВ позвонил в отдел. Дежурная тревожным голосом сообщила, что все в порядке.

— А что происходит с вами?

— Как — со мной?

— Вас знобит. Вы больны?

— Н-нет. Все в порядке.

— Организуйте наблюдение за склоном хребта. Привлеките Козаева и всех свободных. Немедленно.

— Ясно, Корней Павлович.

Он крутнул ручку индуктора, дал отбой.

— Схожу к председателю артели, к парторгу, — Пирогов виновато посмотрел на притихшую секретаршу. — Если что — вызовите.

Уже на крыльце он еще раз оглядел гору и вдруг заметил на кромке западного склона движение. Крохотные фигурки спускались, держась толпой. Пирогов отвязал коня, вскочил в седло.

Да, это были поисковики из местного отряда самообороны, созданного в первый месяц войны. В него входили пожилые люди непризывного возраста и молодежь, чьи года приближались к солдатским. Впереди группы, прижимая руку к груди, осторожно шел Смердин.

Увидев Пирогова, группа остановилась, опустила на землю длинный тяжелый предмет, завернутый в тряпье.

Корней Павлович соскочил с седла, зашагал по склону навстречу.

— Вот какой компот, — сказал Смердин. — Он и кричал, — оглянулся, кивнул на кучу тряпья. — Застрелили.

В легком не по сезону тряпье лежало застывшее тело мужчины лет сорока с небольшим, костлявого, с тонкой кадычной шеей, бледным зеленоватым лицом, искаженным ужасом и болью.

— Похоже, свои суд учинили, — высказал предположение Смердин.

— На кого-нибудь из местных похож? — спросил Пирогов.

— Не-ет. Чужой... По морде читаю, из-под земли выпрыгнул.

Пирогов склонился над трупом. Увидел большое желтое пятно против сердца. Второе — на животе...

Совсем не к месту представились сухие спокойные глаза вчерашнего нарочного. «Твоя клиентура из этой категории... Если не хлеще».

— Не знаю, как сообразили на горе поискать, — объяснил Смердин.

— Потому его и услышали ребята, что на горе кричал... И до меня звук выстрела долетел.

— До тебя? — удивился председатель.

— Представь себе. Я еще голову ломал, зачем ночью патроны жгут?

Он начал спускаться. Смердин сделал знак ребятам. Те осторожно приподняли за тряпье тело, поволокли вниз.

— Слушай, как думаешь, что случилось нынче ночью? — спро-

сил Пирогов, ступая рядом с председателем сельсовета.

Тот пожал плечами:

— Разошлись во взглядах.

— Вот именно... Этот мужик шел к нам. Нес повинную голову.

— Далеко они его отпустили, однако.

— Это придется прояснить на следствии. Думаю, что он сообщил о своем решении в пути, идя, якобы, в очередной набег. Тут его и хлопнули, чтобы не выдал остальных.

— Звери.

— Теперь остались только звери, — мрачно уточнил Корней Павлович.

ГЛАВА

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

ОКОЛО полудня зашел Козазаев.

— Не помешаю?

— Заходи. Я даже рад. Сижу, понимаешь, дел — куча, а уйти нельзя. Да и желания нет.

— У меня такое весной бывало. Везде успеть надо, а спать как из ружья хочется. Спал бы — не просыпался.

— В твои-то годы?

— А я, лейтенант, всю жизнь хронически не досыпаю. Всю жизнь тороплюсь.

Достал из кармана кисет, бумажку оторвал, согнул, сунул между пальцами больной руки. Проследил, какое впечатление произвел на Пирогова.

— Ого! — удивился Корней Павлович. — Облегчил повязку. На поправку пошло?

— Пошло! — Павел шевельнул пальцами. Бумажка пришла в движение. — Еще недельку помню, а там и...

— Думаешь, пора?

— Пора. Скоро дела на фронте начнутся — ого-го! На это у меня нюх собачий. Как же без меня?

— А может, попросить отсрочку у военкома? Поработаешь...

— Не-е. Будет, как решил. После войны жди. На место Варвары приду.

— Жаль. У меня через пару дней тоже фронт откроется. Требуются полковники.

— Решили брать?

— А сколько их обхаживать! Не мы их, они нам напакостить

группы, а женихов. Пирогов весело усмехнулся: ничто, даже война и такая вот грубая работа не способны вытравить человеческое из человека. Он вернулся в кабинет, остановился против окна. Купчина, постройший дом, похоже, был тоже нетерпеливым, хотел видеть далеко по тракту.

Желтые огоньки вынырнули из-за тальниковой рощи, поползли вверх. Преодолев горку, они повернули к мосту и вдруг разлились широким пятном по дороге.

Пирогов расправил гимнастерку, перевел кобур за спину, выбежал на крыльцо.

Из знакомой черной «эмки» вышли сначала двое, потом замешкавшийся третий. Все они были в армейских шинелях, с петлицами на уголках воротников, перетянутые ремнями и портупеями. Пирогов суматошно заглядывал в их лица и никого не узнавал. Наконец, видимо, старший группы, высокий, с интеллигентным продолговатым лицом поднялся на крыльцо, протянул руку.

— Груздев.

Он оглянулся, приглашая товарищей. Те тоже приблизились.

— Федоров.

— Тодоев.

Федоров был среднего роста, как и Пирогов, но пошире лицом, тяжелее. Густые светлые волосы стлкнулись с головы ушанку, и, протягивая руку для знакомства, парень, — ему было двадцать с небольшим, — другой рукой придерживал шапку.

Тодоев тоже не выделялся особым ростом. Смуглое лицо его было сосредоточенно-замкнутое.

— Прошу вас в кабинет, — пригласил Пирогов.

— Надо бы спрятать машину, — напомнил Груздев.

— Я позабочусь.

У барьера мирным любопытным рядом выстроились сотрудницы.

Поздоровавшись, оперативники прошли за Пироговым в кабинет.

— Раздевайтесь, я мигом.

Он вышел к дежурной:

— Проводите машину в гараж. Потом — шофера сюда.

Когда Корней Павлович вернулся к гостям, они стояли перед картой и разглядывали пометки на ней.

— Пока готовится ужин, — сказал Пирогов, — обговорим частности.

— Два вопроса. Гарантия, что, закрыв оба выхода и линию Анкудая, мы не оставим щель? — спросил Груздев. — И второе: что следует за «пустышкой»?

— «Пустышка» исключена, — ответил Пирогов. — Плотность оцепления гарантируют участники — бывшие партизаны и самооборонцы.

— Подходы известны?

— С нами идет проводник.

— Сколько времени потребует оцепление?

— Пять — семь часов.

Груздев приподнял широкий манжет гимнастерки.

— Сейчас ноль часов двадцать четыре минуты.

Корней Павлович поднялся.

— Я распоряжусь, чтобы поднимали людей, готовили лошадей. Сотрудницы парами побежали по адресам бывших партизан, комсомольцев. Проводив их, Пирогов увидел Оленьку Игушеву.

— Картошка готова?

— Да, Корней Павлович.

— Отлично. Неси в кабинет.

С нижней полки книжного шкафа он достал связку вяленых хариусов, кулечек соли, бутылку водки. Убрал со стола флакон с чернилами, стопку бумаги. Повертел газету: нет ли в ней чего-то важного. Расстелил.

— У нас есть время до пяти. К восьми мы прибудем на место. Не возражаете?

Не услышав возражений, стукнул кулаком по дну бутылки, двумя пальцами ловко удержал на выходе пробку.

— Располагайтесь удобней.

Все складывалось чудесно: и картошка с рыбой, и водка, и что в запасе имеется целый час, чтобы поднять с постели стариков партизан и призывников-самооборонцев согласно приказу управления на двадцать четыре часа раньше.

Нужно еще обговорить десятки условностей, решить, где чье место.

— Я особо подчеркиваю: они вооружены. И терять им нечего, — сказал Пирогов. — Поэтому просьба соблюдать осторожность. Никакие опыт и практика не прикроют от пули.

— Мы пойдем целью? — спросил Тодоев, разламывая рыбину.

— Скорее всего клином. В два эшелона. Я впереди, а вы за мной крыльями.

— То есть, мы прочесываем местность? — уточнил Тодоев.

— К сожалению, точным домашним адресом не располагаем.

— Зря, — хмыкнул Федоров, откусывая от горячей картофелины и с силой выдыхая воздух. — Адрес — это всегда наверняка. А гор я вообще не выношу. С детства привык к равнине, к порядку улиц.

— Там хоть лес? Или голые подступы? — спросил Груздев.

— Прошло двадцать лет. Проводник не берется сказать что-то определенное.

— Двадцать — это много, — поддакнул Тодоев.

— И совсем мало, — имея в виду «Кайнок», сказал Пирогов.

— Это на чей характер, на чью породу.

— В Харькове я разговаривал с циркачом-дрессировщиком, — сказал Федоров. — За двадцать лет он выдрессировал четыре поколения лошадей танцевать вальс «На сопках Маньчжурии»...

В коридоре бухнула входная дверь, и в кабинет кто-то постучал. Корней Павлович крикнул: «Да-да!» и поднялся навстречу.

— Товарищ лейтенант, — послышался голос Варвары. — Уже пришли.

Пирогов оглянулся на гостей, указал на сверток матрасов между шкафом и сейфом.

— Располагайтесь около печки. Успеете вздремнуть часа три. А я займусь. Собирается народ.

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

УЖЕ МОЖНО было рассмотреть зелень кедров и елей, когда наконец проводник — бывший партизан Трофим Сидоркин остановился.

— Видите скалу? Сразу за ней, по правую руку, — пещера.

Узкая такая щель. На пузе мы туда ползали. От нее шагах в ста в стороне лежала огромная куча камней. Под ней они и должны хорониться, — там, как изба большая.

— Вход с какой стороны? — спросил Пирогов.

— Вход со стороны кучи. Ежели отсюда идти.

— Ладно, спасибо, возвращайтесь к машине.

— Едят тя мухи, — обиделся старик. — Уже не нужен?

— Тогда держитесь сзади.

Уполномоченные не проронили ни звука. Они смотрели в указанном направлении, будто силясь подвинуть взглядом ребристую, как автомобильный радиатор, скалу.

— Я иду открыто, — сказал Пирогов. — Ваша задача не лезть в глаза, но попытаться обойти участок хотя бы полукругом.

— Я с тобой, лейтенант, — сказал Павел.

— Зачем?

— Я с тобой, — упрямо повторил он и вытащил из-за пазухи парабеллум.

— Это у тебя откуда? — Пирогов протянул руку. Козазаев отвел ее.

— Трофей. После операции сдам, не беспокойся.

— Ну, бог с тобой. Пошли.

ГРУППА рассредоточилась. Тодоев, прячась за камни, деревца, короткими стремительными перебежками двинулся в обход слева. Потстав на несколько шагов, таким же аллюром пошел Федоров. Груздев, наоборот, прижался к крутизне и выдвинулся справа. Приблизившись к скале, он остановился, прислушался и, осторожно ступая, пошел вдоль нее.

— Наш черед, Павел.

По прямой они быстро поравнялись с Груздевым, догнали Федорова. Тот уходил все левее, к подножию перевала, как лиса, рыская туда-сюда.

Перед ними открылась широкая котловина с голой отвесной стеной на востоке. Под ней еще держались утренние сумерки. Несколько глазниц-пещер на высоте, доступной разве что скалолазам, чернели круглыми холодными дырами. Скала наблюдала за долиной и днем и ночью. Левее, с юга на северо-запад, мчалась речка. В утренней тишине было слышно, как плещется вода по камням.

— Там, — Пирогов кивнул на звук. — Там должна быть тропа.

Они прошли к речке, внимательно глядя под ноги и по сторонам.

Вот под скалой высокое нагромождение камней. Это может быть именно то, что им надо. Но ниже — точно такое же, еще ниже —

третье. Надо найти тропу, и она приведет к нужному месту. Иначе шаги могут услышать под землей, и тогда...

Чем ближе к реке, тем меньше снега. Круглые, обточенные водой булыжники лежат густо, как на мостовой. Между ними белые пятна льда.

— А ведь нет тропы, лейтенант, — сказал Козазаев шепотом. — И вообще следов нет. Не летают же они по воздуху.

— Это плюс в их пользу: умный, хитрый народец ищем. С таким не заскучаешь.

— А не путает ли старик чего?

— Возможно. Осмотримся здесь, спустимся ниже. Все-таки двадцать лет...

Они прошли вдоль речки, приблизились к узкому крутому створу. Оглянулись, отыскивали глазами Груздева. Тот метр за метром ощущал скалу. Против него, отстав от Пирогова, топтался старик и оглядывался, будто не узнавал местности.

— Глянем ниже.

В створе речка сужалась в закрученный упругий жгут.

И тут Корней Павлович обратил внимание на снег, будто выдутый сильным ветром из-под основания скалы. За полуметровым сугробом вдоль стены, повторяя ее излом, тянулась тропа.

— Дисциплинка у них, — сказал Павел. — По струнке ходят.

— Где-то ниже развилка есть. Пути в Ыло и Пуехту. Но черт с ней. Успеем изучить. Важно застать хозяев барствующими.

Да, да! Надо успеть, пока в землянке, если она под одной из этих куч камней, не проснулись, не почувствовали облаву... Надо успеть войти в подземное жилище.

Черт бы побрал это солнце. Оно прет из-за гор, и уже светло, как днем. Снежные вершины налились золотом, засверкали — больно смотреть.

Спокойно, Пирогов. Спокойно. Уйми бестолковое сердце. Два месяца шел ты к этому дню, мучительно, торопливо, через сомнения, сопоставления фактов и фактиков. Сейчас как никогда требуются ясная голова, хладнокровное сердце, твердая рука...

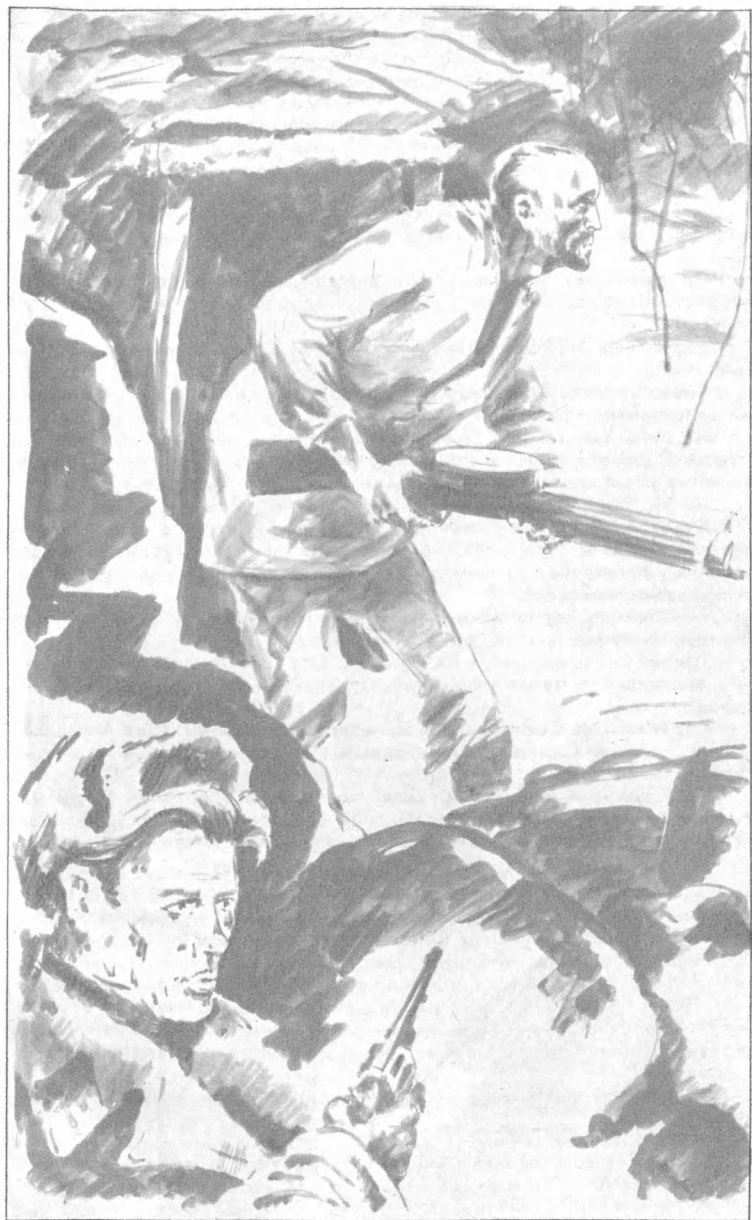
Тропою они повернули назад, внимательно всматриваясь в камень скалы, ища дополнительные следы человеческого пребывания. Но скала была холодна и молчалива.

Неожиданно впереди кто-то вскрикнул. Пирогов остановился, силясь понять, что означает этот вскрик. Старик-партизан размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не хватало покрыть две сотни метров.

Козазаев вдруг сорвался с места и, срезая углы тропы, помчался вперед. Уже через его спину Корней Павлович увидел чью-то мелькнувшую фигурку.

— Павел, стой! — крикнул он, достал револьвер и, поняв, что Козазаев в азарте не слышит его, побежал следом. — Остановись, говорю!

Тропа обтекала высокую кучу камней. На миг эта куча закрыла старика, Груздева, Федорова. Павел кинулся в проход под скалой и увидел в двадцати метрах от себя широкий ход под землю у основания второго нагромождения. Дверь была распахнута настежь. «Гранату бы», — мелькнуло в голове. И тут навстречу выскочил человек с высокими залоками. Он был в расстегнутой рубашке. В руках держал что-то, похожее на трубу.

— Осторожно, Павел!

Густой горячий поток прошуршал над плечом.

«Пулемет», — понял Пирогов и, прежде чем пулеметчик снова нажал на спуск, метнулся влево, перелетел через упавшего неловко Козаева. Очередь хлестала выше. Обсыпала каменной крошкой.

Теперь они с пулеметчиком не видели друг друга. Положение Пирогова было предпочтительней. Он знал место нахождения противника, тот был стеснен рамками входа. Пирогов следил за урезом снега, выставив вперед револьвер.

Как же это? Как же?.. Пулемет! Тот самый «Льюис», о котором говорил старик Логунов. Почему он не придавал значения словам старика?

Он покосился на Павла. Тот лежал, зарывшись лицом в снег, выбросив перевязанную руку вперед, а здоровую неловко подвернул под себя.

Ах, как же это? Ведь через четыре дня у него помолвка с Варварой...

Снова коротко хлестнул пулемет. Пули ушли вверх. Тот, с высокими залысинами, напоминал, что он на месте и так просто не сдастся.

На куче камней над головой пулеметчика появился Груздев. За спиной Пирогова, чуть в стороне, тяжело дыша, плюхнулся Тодоев. Захватив ртом снега, сплюнул. Рядом с ним лег Федоров.

— Эй, там! — крикнул Груздев. — Выходи по одному!

Ответом было напряженное молчание. Тодоев выглянул из-за укрытия и тотчас отпрянул, но выстрелов не последовало. Видимо, осознав положение, пулеметчик терялся в догадках: какое направление самое опасное?

— Советую сложить оружие и выйти добровольно, — настаивал Груздев. — Иначе мы вас уничтожим на месте.

Тодоев снова выглянул из укрытия. Ему были видны вход и человек, замерший с пулеметом в руках. Человек смотрел вверх перед собой.

Отдуваясь от быстрой ходьбы, с другой стороны хода показался старик Трофим Сидоркин, решительный и даже сердитый, как, наверное, не был сердит никогда.

— Ложись, — крикнул Груздев. Но голос его потонул в грохоте пулемета. Старик остановился. На лице его промелькнуло удивление, потом проступила гримаса страдания. Он начал медленно валиться.

Все продолжалось мгновение, но его хватило Пирогову оторваться от земли и в стремительном броске сшибить пулеметчика. В то же мгновение свалился сверху в проем двери Груздев, дважды выстрелил в темноту и, развернувшись боком, ворвался внутрь.

Пирогов еще барахтался у входа с пулеметчиком, когда через него перепрыгнул Тодоев и исчез во мраке жилища следом за Груздевым. Подоспевший Федоров ударил сапогом пулеметчика. Тот обмяк и выпустил оружие. Пирогов перевернул его на живот, достал из кармана веревку, накинул петлю на шею, концом подтянул вывернутые руки к лопаткам.

Внутри землянки тоже наступила тишина. Корней Павлович шагнул под своды.

— Всех в одну связку!

Вытолкнув арестованных, он тронул Груздева за ремень портупеи.

— Слушай!.. Там у входа парень лежит. Иди посмотри...

Груздев кивнул и направился к выходу. Корней Павлович нащупал

какую-то лежанку, устало присел. Холодный воздух валил в землянку. Снаружи были слышны голоса, понукающие арестованных.

Не хотелось ничего слышать, ни во что вникать. Ни радости, ни облегчения. Напротив — черная тяжесть заполняла душу, застила сознание. И лишь перед глазами — неловко вывернутая, локтем в сторону, рука Козазаева да ухо, запорошенное снегом.

Спокойно, Пирогов... Спокойно. Даже если случилось непоправимое. Даже если это непоправимое будет вечно тебя точить, висеть грузом на совести. Ты можешь выйти сейчас. В твоём револьвере шесть патронов. Но ты не выйдешь и не поднимешь оружие. Потому что ты сразу станешь в ряд с кочуровыми, сахаровыми...

Вернулся Груздев.

— Где ты, лейтенант? Живой твой парень. Тодоев второй пакет мотает. Но надо поторопиться с ним... А вот деда — наповал, сволочь.

— Ему это на суде учтут... Слушай, у тебя есть фонарь? Посвети!

Груздев щелкнул выключателем, повел по стенам, по лежанке.

— Зеленая скатерть плюшевая, бачок с инвентарным номером... Вот она, карта полушария... А вон чемодан... Сколько этих?

— Четверо.

— Никого не забыли?

— Молчат. Может, и бродит где пятый.

— Пятый уже не бродит.

Они вышли на поверхность. Арестованные стояли в тесной связке. Сахаров с непокрытой головой ершисто топорщил бороду. Узнав Пирогова, заулыбался:

— Мое почтение начальнику. Как наши дела под Сталинградом?

— Ваши дела — плохи.

— Ай-яй-яй-яй! Неужто так уж плохи? А в народе болтают, будто Япония войну объявила...

ГЛАВА

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ★★★★★★★★★★★★★★★★★★

СТАРИКА Трофима Сидоркина похоронили в оградке, где двадцать лет покоились его друзья-партизаны, поставили деревянную тумбу-обелиск, под стекло врезали фотографию: лихой усач в форме солдата времен империалистической — другой дома не оказалось. Под фотографией прикрепили табличку — год рождения, год смерти — «погиб 19 ноября 1942 года при выполнении особого задания»... Ревели три взрослые дочери, тихо, не переставая, плакала в уголок шали жена.

С похорон Пирогов вернулся в отдел. Дежурная протянула ему мятый солдатский треугольник, подписанный карандашом. «Полевая почта»...

От кого бы это? Разве кто из его бывших милиционеров, призванных в армию летом, вспомнил о нем и черкнул несколько строк?

Почерк был незнакомый.

Корней Павлович развернул треугольник.

«Здравствуйте, товарищ начальник! Пишет Вам с фронта ваш знакомый Федор Якиов. Это письмо пишу прямо в окопе на при-

кладе автомата. Дела мои идут хорошо. Правда, мне еще не удалось увидеть живого фрица, но увижу скоро. Лучше бы уж им не попадаться мне на глаза. За все то, что со мной приключилось, — злой я на них свиреп. Пока сотню не кокну, не подумаю сам умирать. Передайте привет Пашке Козазаеву, если он еще дома и водит с вами дружбу. Скажите, что его плюху помню. Она мне мозги встрянула хорошо. Теперь далеко ясно вижу. И вам тоже мой красноармейский привет. Жалко, нету тут фотографа, а то бы снялся и вам прислал карточку. Вы уж там очень моих в обиду не давайте. При встрече поклонитесь и привет передайте. И вообще всем привет большой. От Федора Якитова, скажите...»

Он спрятал письмо в карман, запер кабинет.

— Я — в исполком. Потом в больницу пойду. Через час вернусь.

Казалось, все складывается нормально. Снята угроза с тракта, предатели получают по заслугам, Якитов вернулся на место. Но не ходит радость в одиночку. Следом, как тень, скользят горе и боль — Трофим Сидоркин, Павел Козазаев. И шагал по улице Пирогов, и лицо его было мрачно, а взгляд уставлен в землю перед собой. Шагал Пирогов и думал, что теперь председатель райисполкома не посмеет отказать в его просьбе. А дальше придется держать ответ за невинную жертву, за ранение привлеченного человека.

Председатель райисполкома был не в духе. Он тоже только что вернулся с похорон, на скулах еще держался румянец от мороза, но щеки и нос покрывала бледность, которая и выдавала его нервное состояние. Перед ним стоял Князькин из Ыло и сбивчиво давал пояснения:

— Устал я от суеты, волнения.

— Ах, ты устал! Устал! Потому принялся гадить?

— Лукавый... попутал...

— Сам ты хуже лукавого... Сдашь дела секретарю.

Князькин разинул было рот, но председатель хлопнул ладонью по столу:

— Под суд пойдешь. Паникер!

Корней Павлович, прислушиваясь к голосам, стукнул согнутым пальцем в приоткрытую дверь и, решив, что его не слышали, заглянул в кабинет. Председатель увидел его, сделал приглашающий жест. Князькин, узнав Пирогова, задрожал всем телом.

— Идите, — председатель указал ему на дверь и, когда тот вышел, добавил уже Корнею Павловичу: — Ну что ж, тебя можно поздравить!

Пирогов сделал кислую мину, — дескать, перестань шутить, — достал письмо, положил на стол. Председатель взял его, но тут затрещал телефон. Снял трубку.

— Да. Я вас слушаю... Да, все в порядке... Организуем встречу. Большого комфорта не обещаю, но тепло будет... Милости просим... Да... Что вы говорите?! Нет, это честное слово!.. Повторите... Это же, вы понимаете... Девятнадцатого? Когда сообщили? Только что? Как же это? Двадцать две дивизии? Слушайте, отправьте нам газеты сегодня. Такой случай!

Он долго еще выспрашивал о том, о сем. Пирогову сделалось неудобно присутствовать при серьезном разговоре. Но председатель, будто уловив его состояние, сделал предупреждающий знак рукой — останься, жди, внимай. Лицо его розовело.

Наконец он положил трубку, уставился на Пирогова влажными блестящими глазами.

— Из обкома звонили. Радость большая. Наши под Сталинградом котел захлопнули. А в котле двадцать две немецкие дивизии... Погоди...

Он принялся названивать в организации всюду, где были телефоны, сообщать новость. Корней Павлович отошел к окну. Пробивалась, крепла, рвалась наружу трепетная радость. «Мое почтение начальнику. Как наши дела под Сталинградом?» На, выкуси, старый хрен. Хотел бы я сейчас видеть твою рожу.

За окном пробежали мальчишки. Из дома напротив вышла женщина. Мальчишки что-то сказали ей. Она так и осталась стоять на крыльце, опустив руки.

Новость разлетелась быстрее, чем по телефону. Через несколько минут люди по одному, группами начали сходить к райкому, ища подтверждение слуху.

В кабинет заглянула секретарь.

— Радио... Включите радио.

Корней Павлович резким движением воткнул в розетку вилку. Круглый бумажный динамик ожил голосом Левитана:

«Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада и с юга от Сталинграда. Прорвав оборонительную линию противника протяжением тридцать километров на северо-западе (в районе Серафимович), а на юге от Сталинграда — протяжением двадцать километров, наши войска за три дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись на шестьдесят-семьдесят километров. В ходе наступления...»

Корней Павлович представил бесконечную заснеженную степь, — он видел уголок ее на фотографии в газете, — стремительные колонны танков, уходящих в прорыв, густые цепи пехоты, конницы, плотные ряды самолетов...

— С твоей легкой руки началось, — шумно радовался председатель. — Тоже девятнадцатого...

Корней Павлович смущенно вскинул палец: — тсс!

Левитан продолжал важное сообщение.

«...разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизия противника. Нанесены большие потери семи пехотным...»

— Вот крушат! — вставил председатель. — Теперь уже не останавливаться. Попомни мои слова, — не остановятся до Берлина. На убыль война пошла.

А за окном — гуще и гуще человеческие фигурки. Обнимаются, жмут друг другу руки. Что ж, в том, что происходило под Сталинградом, была частица и их непомерных усилий, труда, любви и ненависти.

— И мы пойдем! — сказал председатель, поднимаясь. — Похоже, надо митинг собирать.

— Я вам положил письмо Якитова, — напомнил Корней Павлович. — С фронта.

— Ах, Пирогов, ты въедлив, как пиявка. Уже есть готовое решение исполкома. Якитова получит пособие через неделю... А теперь пошли.

— Мне в больницу надо. Плох Павел.

— А что ты, врач? Великий академик? Пойдем, хоть посмотришь на нормальных людей. Послушаешь, что они говорят... Потом вместе поведем Козазаева. Ему хорошая новость не повредит.

Содержание

Юрий Козлов

«КАЙНОК»	3
----------	---

Сдано в набор 14.05.82 г.
Подписано к печати 15.06.82 г.
А-06861
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$
Условных печатных листов 4,2
Печатных листов 2,5
Тираж 150 000 экз.
Цена 25 коп.
Заказ 1214.

Адрес редакции: 127434, Москва, ул. Ивановская, 24.
Телефоны: 216-87-66, 216-86-66, 216-86-03.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

ОБ АВТОРЕ

Козлов Ю. Я. родился в 1934 году в г. Ейске Краснодарского края. Работал монтером-связистом, навалотбойщиком на угольной шахте, служил в рядах Советской Армии. После окончания Бийского государственного педагогического института трудился в газетах «Молодежь Алтая» и «Алтайская правда». Автор целого ряда репортажей, очерков, корреспонденций о деятельности милиции. Написал книгу «Есть над Чуй-рекою дорога», повесть «Белый Бом», цикл рассказов «Раны». Член Союза журналистов СССР. Дипломант Всесоюзного литературного конкурса МВД СССР и Союза писателей СССР. Живет и работает в г. Барнауле.

Владимир Колабухин
**ФАЛЬШИВАЯ
КОРОНКА**